

Джули Кэплин

Секретная бухта в Хорватии

«Неотразимо!»

Кэти Дфорг

Джули Кэплин
Секретная бухта в Хорватии
Серия «Любовь в каждом
городе. Романы Джули
Кэплин и Изабелль Брум»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69295738
Секретная бухта в Хорватии: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-188147-4

Аннотация

Джули Кэплин – английская писательница, автор цикла «Романтический побег». Если вы никогда не ели на ходу свежий французский багет, пересекая площадь Трокадеро, не любовались запотевшим кувшином сангрии, сидя в кафе под старым испанским балконом, не пробовали датский бутерброд и не стояли в очереди в бруклинской пекарне, дайте возможность Джули Кэплин показать вам это.

Этот романтический побег вы запомните навсегда.

Добро пожаловать на борт! Мы отправляемся в Хорватию.

Мэдди Уилкоккс предлагают работу на шикарном яхте. Ей придется обслуживать заносчивых богатых гостей, но путешествие по островам Адриатического моря точно это

компенсирует. Только вот одним из гостей оказывается Ник – брат ее лучшей подруги Нины.

От Ника и Мэдди летят искры, когда им приходится общаться. Девушка никак не ожидала, что брат Нины такой самодовольный и заносчивый. Но в тайной красивой бухте, вдали от роскошных яхт и богатых друзей, Мэдди и Ник понимают, что у них намного больше общего, чем им казалось.

«Эта книга быстро заставила меня забыть про реальность и погрузила в очень теплую летнюю атмосферу Хорватии. Здесь нет страданий и вечных литературных драм, но зато есть добрые люди, яркие встречи и немного волшебства, которое редко встретишь в реальной жизни». – Настя, @chararara17, книжный блогер

«Неотразимо!» – Кэти Ффорд

Содержание

Глава 1. Нортамберленд	6
Глава 2. Лондон	25
Глава 3. Хорватия	30
Глава 4	50
Глава 5	60
Глава 6	70
Глава 7	82
Глава 8	100
Глава 9	110
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Джули Кэплин Секретная бухта в Хорватии

Julie Caplin

THE SECRET COVE IN CROATIA

© Янурова Л., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается Гордане Сикоре-Пресечки,
которая открыла для меня Хорватию ... и делилась
вдохновляющими фото, когда нам стоило бы
работать!*

Глава 1. Нортамберленд

Ник спрятал подбородок в воротник пальто, радуясь, что плотная твидовая ткань защищает его от ненастной северной погоды с подветренной стороны скалистого холма. Когда он взглянул на двух моделей, что дрожали рядом друг с дружкой, словно нервные арабские кобылки, его губ коснулась кривая улыбка.

Сегодня девушки были одеты в яркие – ему сказали, что это стиль «Пуччи», хотя он понятия не имел, что это такое, – шерстяные пончо. Спроси кто-нибудь его мнение, он бы ответил, что кто-то пустился во все тяжкие в покрасочном цехе, но он все-таки не знаток моды. Венчали эти наряды шерстяные береты с помпонами, залихватски устроившиеся на их головах. На элегантных длинных шеях моделей красовались полосатые шарфы, что хлопали на ветру, словно гималайские молитвенные флаги. Бедные замерзшие девушки напоминали тропических птичек, что были здесь совсем не к месту. Они замерли и ждали, пока фотограф сделает следующий снимок.

Обычно в семь тридцать утра он наслаждался бы видом на вересковую пустошь в одиночестве. Если бы не предупреждающие взгляды за вчерашним ужином, брошенные его невестками в сторону его братьев-близнецов Дэна и Джонатана, может, тут было бы на пару человек больше.

– Тара, встань на камень, куда падает солнечный луч, – приказал фотограф, не отличающийся церемонностью. Его выражение лица пряталось за темными кустистыми бровями и грозной, лоснящейся черной бородой библейских размеров, которая создавала поразительный контраст с его лысой головой.

Тут Ник отдал ей должное: стоило Таре встать перед суровым объективом камеры, как она тут же перестала дрожать и приняла непринужденную эффектную позу, словно не чувствовала ледяного холода. Ее тонкое, надменное лицо казалось безразличным к долине, что простиралась за ней. Сочная зеленая трава смягчала угловатость склона холма, солнечный свет танцевал на поверхности моря в восьми километрах от них, у начала долины. Что-то стянулось узлом в желудке Ника, когда он посмотрел на девушку на камнях: одно колено согнуто, хрупкая, почти что фигурка феи, безупречный цвет лица, копна золотых волос с красными и золотыми прядями, подсвеченная весенним солнцем. Он отругал себя за то, что поддался влиянию момента – захотел укрыть ее от холода. Если сравнивать себя с нею, то он был ломовой лошадью, надежной и стабильной, ведомой непоколебимой судьбой. А она – изящное сказочное создание, недостижимое и далекое, словно звезды. Она пришла к ним из другого мира в миллионах километрах от этой фермы и сельской общины, в которой он знает всех и все знают его и каждый его шаг с тех пор, как он родился. Это его дом.

Всегда был и всегда будет. Он скривил губы. Чем бы он занимался, если бы решил переехать? Это все, что он умеет.

– Ник, поставь барана сюда, на передний план, – приказным тоном заявил ассистент фотографа, указав пальцем на место для животного.

– Секунду. – Ник свистнул, подзывая свою собаку Рекса породы бордер-колли. Он даже не стал поправлять ассистента. Он пытался объяснить им разницу между баранами – это, кстати, овцы, а не бараны – и ягнятами, но всем было плевать. Им просто нужны милые и фотогеничные ягнята. Животным исполнилось всего шесть недель, и выглядели они куда привлекательнее, чем неряшливые, с приставшими комками грязи на шерсти овцы, которых вот-вот собирались остричь.

«Бритиш Вул» попросили Ника помочь с фотосессией на землях Хэдли, предложив почасовую оплату. Работа оказалась... увлекательной. Это слово подходит больше всего. Кто же знал, что несколько фотографий требуют такой масштабной подготовки? Пару дней назад прибыли два фургончика, битком набитые одеждой и фотографическим оборудованием, которого хватило бы на съемку всего населения Бауден Ригг. Потом приехали еще три такси со станции Карлайл с четырьмя моделями, двумя стилистами, двумя костюмершами, фотографом, его ассистентом, креативным директором, его ассистентом и двумя заказчиками из «Бритиш Вул».

Рекс погнал ягненка, и он забежал в кадр, отчаянно блея.

Одна из моделей блеснула обворожительной улыбкой:

– Какой он милый!

– Был бы еще милее, стой он смирно, – проворчал фотограф, вглядываясь в объектив.

Короткий свист, пара ненавязчивых команд – и Рекс погнал пугливого ягненка обратно в кадр. Ник следил за Тарой, восхищаясь ее терпением; модель двигала головой, выгибаясь так, чтобы показать одежду. К его удивлению, ее сонные миндалевидные глаза встретились с его. Она томно улыбнулась и откровенно уставилась на его губы.

– Да, Тара, вот так. Отлично. Превосходно. Немного наклони голову вправо, не отрывай взгляда от Ника. Да, вот так. Ты его хочешь. Прекрасно.

В глазах модели сверкнули озорные огоньки, и Ник почувствовал, что краснеет до корней светлых волос. По телу прошла волна жара. Он сглотнул и подавил желание отвернуться. Вместо этого он ответил на ее чуть насмешливый взгляд своим, добавив ему пылкости и слегка вздернув бровь. Если он родился и вырос в деревне, это еще не значит, что он невежда. Ник Хэдли, к отчаянию своей матери, еще не нашел ту единственную, но опыт у него был.

В ответ Тара лишь усмехнулась и, следуя новым указаниям фотографа, положила руки на бедра и откинула голову назад, снова становясь далекой и недостижимой. Ник вдруг почувствовал себя третьим лишним. У него столько дел, которыми стоит заняться утром, а он бездельничает тут, слов-

но какой-то... школьник-неряха.

– С тебя пока хватит! – крикнул фотограф Таре.

Ник пошел вперед, чтобы вернуть ягненка к стаду, и Тара подошла к краю камней.

– Лови меня, – сказала она и сделала шаг вперед.

Ник, удивленный ее поступком, без труда поймал девушку. Легкая, как пушинка, она радостно заверещала, словно он сделал что-то поистине невероятное. Ник почувствовал себя настоящим супергероем. Он осторожно поставил ее на землю и высвободился из ее пончо и шарфа. Он улыбнулся модели:

– Вот, в целости и сохранности.

– Настоящий мужчина, – выдохнула она, и Ник хотел рассмеяться, поскольку фраза была ну совсем заезженная, но Тара смотрела на него так многозначительно, что он передумал.

– Да, насколько мне известно, – уверенно сказал он, и теперь настала ее очередь краснеть. – Ты ночуешь в «Джордж Инн» в деревне, так ведь?

Она кивнула.

– Не дворец, но бывало и похуже.

– Ужин? – спросил Ник.

– Вопрос или утверждение? – поинтересовалась Тара. Взгляд робкий, а на губах играет легкая усмешка.

– В поместье неподалеку есть замечательный ресторан. Могу забрать тебя в семь тридцать.

– В восемь. Свидание, значит, – ответила Тара. Похоже, она привыкла все делать по-своему.

На часах – шесть часов. Ник закончил позже, чем рассчитывал. Фермерство никого не ждет – Нику пришлось навешивать дела, которые он запустил, отправившись утром на фотосессию.

Кухня фермерского домика была залита теплым светом, из духовки доносился запах колбасок и йоркширского пудинга, звучали привычная болтовня и смех. Ника окутало все знакомое и по-простому приятное. Гейл, жена старшего брата-близнеца Дэна, накрывала на огромный кедровый стол в центре комнаты. Она посмотрела на него и тепло улыбнулась. Ник испытывал симпатию к обеим невесткам, хотя никак не мог взять в толк, как же близнецы Дэн и Джонатан убедили девушек, что они будут им отличными мужьями. С другой стороны, он с ними вырос.

– Привет, Ник! – крикнул ему Дэн, копаясь в ящике с зарядками для телефона и кабелями. – Тяжелый день?

Он кивнул.

Ему тридцать три года, а он, как и его братья-близнецы и их жены, по-прежнему ходит есть домой к маме. Отчасти ему просто лень готовить, но главная причина кроется в том, что эта теплая и шумная кухня – неотъемлемая часть его жизни уже очень и очень давно. Но, хоть он и любил всю свою семью, он был рад, что у него есть маленький домик на окраине

фермы. Там можно было уединиться и наслаждаться холостяцкой жизнью, хотя его мама очень хотела, чтобы он остепенился.

– Мам, – Ник повернулся к ней, – извини, но я только-только закончил с работой, а у меня планы на вечер.

– Превосходно, – отозвался Джонатан, разглядывая жабу в норке¹, которую их мать доставала из духовки. – Мне больше колбасок достанется.

– Ты точно не успеешь закинуть что-нибудь? Я уже накрываю на стол. Покушаешь и побежишь. – Она улыбнулась ему. – Я-то не против.

– Или вали в паб и оставь колбаски нам, – сказал Джонатан. Он протиснулся мимо мамы и потянулся отщипнуть кусочек хрустящего йоркширского пудинга, но мама хлопнула его по ладони.

– Хорошая идея, пусть валит, – согласился Дэн, встав на сторону Джонатана.

– Тут всем хватит, – покачала головой Линда Хэдли и неодобрительно цокнула языком. – Вы будто еды никогда не видели, мальчики. Две минуты, я накрою на стол, и ваш папа вот-вот подойдет.

Вот блин. Ник-то надеялся быстренько отмазаться и убежать.

– Мам, у меня правда нет времени. Мне еще в душ надо.

¹ Жаба в норке – традиционное британское блюдо, мясная сосиска, запеченная в кляре для пудинга.

– А как же поесть? Ты так рано встал, а на обед, наверное, бутербродами перекусывал.

– Я потом поужинаю, – сказал он, потихоньку отходя к двери.

Тут зашел отец, кинул ключи от машины на комод и притянул жену к себе, чтобы чмокнуть в щеку.

– Приветик. Я только из деревни. Ник, слышал, ты сегодня ужинаешь в поместье Боденброук. – Он вскинул брови с многозначительным видом.

Ник подавил желание застонать. *Спасибо, пап. Очень вовремя.*

– Поместье Боденброук? – оживился Джонатан. Он скрестил руки и оперся о заднюю дверь с озорной ухмылкой. – Роскошное место. Свидание, получается. И кто же счастливица на этой неделе? – Он нахмурился. – Я думал, ты уже распрощался с этой пестрой птичкой.

– Ее зовут Генриетта, – сдвинул брови Ник. – И мы больше не видимся.

– Недолго она продержалась, – заметила Гейл с хитрой улыбочкой.

Ник пожал плечами, продолжая подбираться к двери и надеясь, что Джонатан отойдет.

– Это было взаимное решение.

– И когда это ты назначил новую встречу? – присоединился к разговору Дэн. Он нашел нужный кабель и поставил телефон на зарядку. Его лицо выражало крайнюю степень за-

интересованности.

– Сегодня, – ответил Ник. – Слушайте, если инквизиция может подождать, я бы пошел в душ и переоделся.

Он уже был совсем близко к двери и даже положил ладонь на дверную ручку, когда Дэн вдруг воскликнул:

– Это девушка из лондонской съемочной группы? Ты весь день торчал на Старбридж Фелл. Вот же хитрый лис! Ты позвал кого-то из них на свидание!

Джонатан рассмеялся и сделал шаг назад, чтобы закрыть собой дверь.

– Что? И она согласилась?

Ник замер.

– А почему нет? – спросил он, жалея, что в его голосе послышалась скованность.

– Прыгаешь выше собственной головы? – поддразнил Дэн. – Ну и кто это? Костюмерша? Блондинка, да? Как ее там... Джорджина?

Ник помотал головой.

– Темненькая, что ли?

– Ни та, ни другая, – ответил он, стараясь сохранять спокойное выражение лица.

– Тогда кто? – спросил Джонатан, озадаченно хмурясь. – Стилистка замужем, ассистентка тоже, как и креативный директор.

– Чтоб тебя, ты что, пригласил модель и она согласилась? – ахнул Дэн, в притворном изумлении пятясь и вреза-

ясь в стул. Тот в знак протеста закрипел ножками по плиточному полу.

Гейл и Кэт насмешливо покачали головами в ответ на театральное выступление Дэна.

– А что? Будем честны, из вас всех Ник самый привлекательный, – сказала Гейл.

Дэн схватился за грудь.

– Ты ранила меня в самое сердце, женушка. Я-то думал, это я.

– Ты самый привлекательный из моих мужей, – поддразнила она его, подмигнув Нику, благодарному за такой отвлекающий маневр. К сожалению, Джонатан менять тему не собирался.

– Серьезно? И какую из них ты подцепил?

Ник вздохнул, осознавая, что ему поможет только капитуляция, иначе он не успеет сходить в душ и переодеться.

– Я встречаюсь с Тарой. Мы разговорились, решили, что ужин – хорошая идея. Успокойтесь, я же не зову ее замуж или типа того. К концу недели ее уже здесь не будет. А я останусь тут. – Он повысил голос и осознал, что немного выставляет себя посмешищем. Он схватился за дверную ручку, распахнул дверь и вышел наружу, оставив после себя лишь хор удивленных вздохов и красноречивое молчание.

– Здесь довольно здорово, – сказала Тара, рассматривая дорожные обои, которые, по общим догадкам, стоили не меньше двухсот фунтов за рулон, современную мебель и

освещение в стиле ретро. – Почти как в Лондоне, – заговорщицким шепотом добавила она, прикрывшись рукой.

Ник поднял бокал вина и отпил глоток.

– Как видишь, мы не просто кучка каких-то варваров.

– Да, вижу. – Тара беззастенчиво оглядела его с ног до головы.

С тех пор как он забрал ее из отеля, Тара только и делала, что откровенно флиртовала с ним, существенно облегчив ему жизнь. В самую последнюю минуту, прежде чем заехать за ней, Ник вдруг запаниковал. О чем им говорить?

Волноваться не стоило. Когда он помог ей забраться в его грузовик, она, устраиваясь удобнее, промурлыкала: «Как мужественно. Никогда не встречала кого-то, кто водил бы грузовик», и гладила ладонями приборную панель, пока он заводил двигатель. Через пару миль ее рука переключалась к нему на бедро, и Нику пришлось постараться, чтобы остаток пути не ерзать на сиденье, словно перевозбужденный подросток.

Тара надела на свидание легкий шифоновый комбинезон на тоненьких лямках, которые демонстрировали, что лифчика на девушке не было. Ноги, казавшиеся Нику бесконечно длинными, были обуты в туфли на высоких шпильках; наверное, чтобы ходить в них, требовался сертификат об охране труда. Сердце так колотилось в груди мужчины, что ему становилось больно. Она самая красивая девушка из всех, кого он когда-либо видел. Ее прекрасные волосы были со-

браны в небрежную высокую прическу, завитки спадали на белоснежную шею.

Бога ради, соберись! Она девушка из плоти и крови, а не пылающая статуя греческой богини.

– И давно ты работаешь моделью? – спросил он в надежде завязать связный разговор, вместо того чтобы пялиться на нее влюбленными щенячьими глазками.

– Десять лет как. – Она скривилась. – Я старая.

– Да ну, бред, – рассмеялся Ник. – Сколько тебе? Двадцать шесть, двадцать семь?

– Двадцать семь, – шепнула она, окидывая зал взглядом. – Только никому не говори. Для моделей это считается старостью. Знаешь, а я готова двинуться дальше и начать заниматься чем-то значимым. Было бы здорово стать амбассадором – спасти планету, перерабатывать пластик, что-нибудь в этом духе.

– Благородно, – поддразнил он Тару.

Ее ноздри раздулись, а мышцы шеи напряглись.

– Я серьезно. Я очень переживаю из-за экологических проблем. В морях столько пластика, ужас! Это большая проблема. Животные умирают. – Она сверлила его напряженным взглядом.

– Извини, я не это имел в виду. Я просто дразнился. Привык к такому общению с братьями.

Тара изящно кивнула, принимая его извинения.

– Нам нужно спасти планету.

– Точно, – согласился он, поняв, что эта тема ей важна. – Хотя я, наверное, обычно думаю о тех проблемах, что связаны непосредственно со мной.

Он виновато улыбнулся.

– Немного эгоистично с моей стороны. Мы-то уже замечаем изменения климата. – Прошрое жаркое и сухое лето ничего хорошего их пастбищам не принесло. – И что именно ты хочешь делать?

Тара пожала плечами:

– Буду амбассадором. Знаешь, буду устраивать фотосессии с важным посылом и освещением глобальных проблем. Стану лицом какой-нибудь компании. Нужно только дожидаться подходящего предложения.

Ник кивнул, чувствуя себя немного не в своей тарелке. Он понятия не имел, как устроен ее мир. Они ненадолго замолчали, пока к ним не подошел официант.

– Я буду медальон из говядины, – и, к удивлению Ника, Тара добавила: – А к нему можно взять картошку фри?

– Да, *картофель фри* мы готовим, – ответил официант с немного чопорным акцентом, и Ник чуть не рассмеялся. Они по четвергам вместе гоняют в мини-футбол, и чопорным его не назовешь.

– Превосходно, – ответила Тара.

Когда официант удалился, приняв заказ Ника – утиное конфи и сезонные овощи, – мужчина усмехнулся.

– Вот ты и разрушила стереотип о том, что модели едят

только салаты да морковные палочки.

Тара перекинула волосы через плечо.

– У меня прекрасный обмен веществ. Могу есть все, что захочу, – заявила она чуть ли не с вызовом.

Ник улыбнулся.

– Вот и хорошо. Готовят тут – пальчики оближешь.

Тара кивнула, провела ноготком по зубцам вилки и поправила свои локоны.

– У тебя есть братья или сестры? – спросил Ник, чтобы заполнить тишину.

Она покачала головой, уголки ее рта поползли вниз:

– Нет, я одна-одинешенька. Я была очень поздним ребенком. Бедная мамочка чуть не умерла, и папа твердо решил, что больше она рожать не будет. Мама сказала, что я была таким красивым ребеночком, что она и не хотела других – вдруг они бы ее разочаровали. – Она звонко рассмеялась и склонила голову, рассматривая Ника. – Мило, да? Бред, конечно, полнейший, ведь все родители считают своих детей совершенством.

Ник рассмеялся.

– Поговори-ка с моей мамой. Она иллюзиями по поводу нас не питается, зато нарожала пятерых.

– Пятерых? Божечки! – Тара вытаращила глаза и положила ладонь себе на живот. – Это так много. Бедная твоя мама, как же она испортила себе фигуру!

Мама Ника сейчас бы рассмеялась на весь ресторан. Она

обожала своих детей. Ник был уверен, что она нисколько не жалела.

– Она немного иначе на это смотрит.

– И они все такие же привлекательные, как ты? – Тара вдруг прикрыла рот рукой, словно комплимент вырвался против ее воли. Она опустила взгляд на столик.

Ник засмеялся, вспомнив похожий разговор между его братом и невесткой.

– У меня три брата и одна сестра. Мы все считаем, что наша сестренка самая красивая из нас.

– Оу, – произнесла Тара так, словно он сказал что-то очень странное. – И что ты делаешь, когда не занят разведением овец?

– Ну, работы у меня много, но если есть возможность, то люблю куда-нибудь выезжать. Моя сестра живет в Париже...

– О, я обожаю Париж! Я была там на неделе моды, участвовала в показе коллекции от «Диор». Обалденный город. Когда ты был там в последний раз?

Они обсуждали Париж, пока им не подали ужин, и Ник изо всех сил вспоминал все, что он успел увидеть за те две поездки.

У Тары и впрямь был прекрасный аппетит: она набросилась на еду так, словно умирала с голоду.

– Проголодалась, да? – спросил он, взглянув на ее пустую тарелку. Он доедал свою порцию.

– Я весь день провела на свежем воздухе, – снова приня-

лась обороняться Тара.

– Я и не знал, что работать моделью так сложно, – сказал Ник. Девушка явно незнакома с манерой разговора, какая бытует у них в семье. Надо запомнить, что она не из многодетной семьи, как он.

– Эта работа не всем подходит. Мне кажется, люди даже не понимают, насколько это сложно. Думают, мы просто приходим на съемку, и раз – все готово.

Официант унес пустые тарелки и вернулся с десертным меню.

– Желаете что-нибудь еще? – спросил он.

– Мне, наверное, не стоит, – сказала Тара, изучая меню с очаровательно высунутым язычком. – Ты что-нибудь закажешь?

– Я не особо падок на сладкое.

Она погрустнела.

– Может, закажем что-нибудь на двоих? – предложил он.

– Давай профитроли, обожаю их!

Ник заказал десерт и попросил две ложки. Можно было и не утруждаться: стоило официанту поставить перед ними десерт, как Тара, быстрая, словно змея, снова и снова зачерпывала полную ложку заварного теста и крема. Она то и дело постанывала от удовольствия, отправляя содержимое ложки себе в рот.

– Сто лет не ела шоколад. Я уже и забыла, как это вкусно. Прямо чувственное наслаждение, да? – Тара собрала остат-

ки шоколадного соуса и медленно облизала заднюю сторону ложки, не отводя взгляда от Ника. Она прерывисто вздохнула. – Такой шелковистый и насыщенный вкус...

Она провела язычком по ложке; потемневшие глаза, в которых читалась похоть, смотрели на него так многообещающе, что Ник заерзал в кресле, радуясь, что его прикрывает скатерть.

Когда официант подошел, чтобы забрать тарелку, Ник уже собирался отказаться от кофе и вернуться в отель вместе с Тарой. Учítывая, какие намеки она делала, он решил, что их намерения сходятся, но девушка вдруг встала и бросила салфетку с колен на стол.

– Милый, закажешь мне эспрессо? Хочу на минутку отлучиться в дамскую комнату.

– Хорошо, – сказал он, заказывая эспрессо ей, а себе – капучино. Он поудобнее устроился в кресле, чувствуя, как его разгоряченная кожа остывает. Он достал телефон, принялся листать ленту Фейсбука². Увидев публикацию своей сестры Нины, он улыбнулся.

Она запостила фотографию восхитительного шоколадного эклера, за которым сформировала сердечко пальцами, и подписала: «Шоколадный рай».

Интересно, в какой восторг пришла бы Тара и что бы чувствовал Ник, наблюдая за ней?

² Деятельность социальной сети Фейсбук запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

Вкуснятина! – прокомментировал он и стал смотреть остальные фотографии. Нина переехала в Париж, открыла кондитерскую и съехала со своим парнем Себастьяном, лучшим другом Ника. Сестра быстро стала королевой эклеров и прочих сладостей. Может, съездить к ней вместе с Тарой? Что-то подсказывает Нику, что ей там понравится.

Он оставил несколько комментариев, лайков и понял, что прошло целых пятнадцать минут. Где же Тара? Лишь бы не сбежала... Нет, она бы так не поступила. Хотя он и переживал по поводу свидания, все прошло хорошо. Ей было интересно. Ник, не задирая нос, мог с уверенностью сказать, что с девушками он ладил. Почти все его свидания венчались успехом, а иногда и чем поинтереснее. Хотя случилось разок такое, что он пошел на свидание с подругой Гейл, а она оказалась лучшей подружкой его бывшей. Вот это было поистине ужасно.

Он уже раздумывал отправить в уборную поисковой отряд, как Тара вернулась. Ее глаза сверкали, губы всю улыбались. Она откинулась на спинку кресла и глотнула эспрессо как ни в чем не бывало.

Может, это что-то женское, и ей стыдно рассказывать, что случилось.

– Фу, холодное, – Тара скривилась.

– Заказать другое? – невозмутимо поинтересовался Ник, умолчав о том, что ее не было довольно долго, чтобы не смущать девушку.

– Не стоит. Уже поздно, я потом уснуть не смогу. – Она взглянула на часы и улыбнулась ему своей красивой и печальной улыбкой. – Отвези меня обратно в отель. Мне нужно хорошенько выспаться, чтобы не заявляться завтра на фотосессию с мешками под глазами.

– Тогда я попрошу счет, – сказал Ник, задаваясь вопросом, почему вечер так внезапно закончился.

Глава 2. Лондон

Мэдди обхватила колени руками, надеясь, что они перестанут дрожать. Генри Комптон-Барнс с замшевыми заплатками на локтях пиджака и бабочкой на шее просматривал ее работу. Казалось, что прошла целая вечность, прежде чем он поднял голову и наконец заговорил:

– Профессор Грегори – мой хороший знакомый, и он лично тебя рекомендовал, посему я буду с тобой честен. – Его губы сжались в трагическую линию, словно кто-то потянул за нитки, закрепленные в уголках его губ. – Технически ты справилась хорошо. Прекрасное исполнение, внимание к деталям поразительное.

Мэдди догадывалась, что за этим последует огромное «но».

– Но нашей галерее нужны картины, в которых... – Он покачал головой. – В этих нет оригинальности, изюминки. Им не хватает *je ne sais quoi*, то, чего словами не опишешь, то, что выделяет произведение искусства среди остальных. Это может передать лишь художник. Когда смотришь на такую работу, понимаешь, что это могло выйти только из-под его кисти. Как с певцами, например. Уж прости меня, но я гораздо старше тебя, поэтому приведу в пример Карли Саймон. Ты слышишь ее голос и сразу понимаешь, что это она. Ее голос – это ее уникальность. Вот что я ищу в картинах.

Они, безусловно, очень красивы, но я не вижу твоей души. Я не вижу в них тебя. Мэдди, позволь дать тебе совет. Отправляйся в новое, неизведанное место. Забудь все, чему тебя учили, все, что знаешь. Нарушь правила, экспериментируй, и, самое главное, рисуй от всего сердца.

Рисуй от всего сердца. Мэдди закатила глаза, представляя картину в духе Сальвадора Дали: огромная кисть пронзает красное сердце, позади – пустынная равнина, алые капли падают на желтый песок. Рисуй от сердца. Ну и как это понимать? Кто-нибудь говорил такое Пикассо, Родену, Ван Гогу? Мэдди поморщилась. Не то чтобы она стояла с ними в одном ряду...

Девушка сидела в кофейне и попивала капучино, расстраваясь, что поддалась порыву утопить свое горе в таком дорогом напитке.

– Бо-оже, – протянул голос, принадлежащий кому-то из высшего класса, кто сел позади нее. – Ну и посмешище. О чем только Генри думал?

– Ты про ту девчонку, что только что вышла? Милое платьице, ну прямо Тулуз-Лотрек.

Мэдди сжала фетровый беретик, что лежал у нее на коленях.

– Это друг Генри его попросил. Он рассказал, когда записывал в ежедневник время назначенной встречи.

– Думаешь, он ее принял? Нет же? Вся галерея бы под

откос пошла.

– Вряд ли. Судя по ее виду, он с позором ее выгнал. Когда она пришла, я уже была готова сказать ему, что он зря тратит свое время. Типа серьезно? Ты слышала, как она разговаривает?

Другая девушка расхохоталась.

– Ага. Заурядная дура.

– Ш-ш, так теперь нельзя говорить, вдруг оскорбишь кого. Наверное, теперь и слово «посмешище» кого-нибудь ущемит.

Девушки рассмеялись, упиваясь своим превосходством, а Мэдди покраснела, чувствуя, как жар приливает к щекам. Она, наверное, выглядела как перезрелый рождественский эльф. Она схватила берет, натянула его себе на голову и повернулась. Одна из девушек подняла на нее взгляд, и ей даже хватило совести ахнуть.

– Мы, посмешища, – начала она, – не можем похвастать принадлежностью к высшему классу, но зато мы говорим то, что думаем, и не позволяем каким-то надутым и высокомерным идиоткам себя оскорблять. Не у всех мамочки и папочки разбрасываются деньгами. А раз вы позволяете себе так обсуждать людей, вам не помешает вернуться в школу и поучиться хорошим манерам. Вам должно быть стыдно.

Довольная тем, как девушки вытаращились на нее, словно рыбки гуппи, Мэдди выплыла из кофейни с высоко поднятой головой.

К сожалению, пусть она и дала отпор обидчицам, факт оставался фактом: она упустила свой шанс попасть в галерею, и просить помощи больше было не у кого.

Мэдди посмотрела на табло с расписанием поездов станции Юстон. До ее дешевого поезда оставалось еще два часа. Она вернется в Бирмингем и будет рассказывать маме об очередном проваленном собеседовании. До этого Мэдди еще никому не рассказывала, зачем на самом деле едет в Лондон. Кроме профессора Грегори, конечно.

Она вздохнула и открыла Вотсап.

Срочно. Срочно. Срочно. Ты еще ищешь работу? Вакансия временная, но в Европе, и им очень нужен кандидат. Позвони мне.

Девушка улыбнулась, читая сообщение от своей подруги Нины. Они встретились в Париже в тот год, когда Мэдди училась за рубежом. У них было много общего, и они сразу подружились. Они обе происходили из многодетных семей, и обе скучали по своим родным, но не по требованиям, которые бытовали в их семьях.

Ключевым словом в сообщении было «Европа», все равно что зов сирены. Мэдди хотела уехать как можно дальше от дома – после года, проведенного во Франции, она чувствовала, что ей там больше не место.

– Ну что там? – спросила она, стоило Нине ответить после первого гудка. – Где в Европе? Что делать нужно? Виноград

собирать?

– Там кое-что покруче. – Голос Нины звенел от еле сдерживаемого восторга. – Это в Хорватии.

– Ты раскашлялась сейчас или что?

– Очень смешно. Я серьезно. Ник полчаса назад звонил Себастьяну. Он едет на отдых со своей новой подружкой. Они фрахтуют яхту целой компанией, но их стюардесса слилась. Времени искать новую нет, они уезжают через три дня. Нужно всего-то немного убираться и готовить, ухаживать за гостями, короче. Их там всего шесть человек.

– Я вся твоя, – тут же ответила Мэдди, хотя в жизни не бывала на суднах, если, конечно, не считать водный велосипед на Тенерифе. А благодаря Себастьяну, парню Нины, что работает шефом, Мэдди многому научилась за те полгода. Раньше она умела готовить разве что пастуший пирог и ланкаширское жаркое, но теперь репертуар ее блюд расширился. Да и потом, на отдыхе ведь все едят салатики да мороженое?

Нина аж взвизгнула:

– Класс! Я скину тебе номер, звякни этому хорвату. Ох, вот это ты оторвешься! Две с половиной недели в Хорватии! Я даже завидую.

Мэдди тоже заверещала в ответ:

– Круть! Спасибо тебе большое. Поскорей бы встретиться с твоим братом. У меня такое ощущение, будто я его уже знаю.

Глава 3. Хорватия

– Вау, – Мэдди бросила спортивную сумку на причал. Все, кто сказал ей ждать крохотной тесной яхты, явно не знали, о чем говорят. Яхта была огромной. Мэдди выудила телефон из кармана и сверила название судна на корме с присланной ей информацией. «Авантюрист», город Сплит. Это точно оно.

Так вот где она проведет следующие недели? Ну здравствуй, замечательное судно, и спасибо тебе большое. Девушка принялась пританцовывать от счастья. На ней был модный наряд, состоящий из полосатой сине-белой футболки и красных брюк капри. Ну, это Мэдди посчитала, что он модный, хотя брюки оказались куда более помидорно-красного цвета, чем она их помнила.

Девушка сфотографировала судно и принялась строчить подпись.

«Нина, солнышко, посмотри. Огромная какая! Я тебя люблю. Спасибо, что предложила мне эту работу. Я теперь еще больше радуюсь, что внимала урокам готовки. Помнишь, какой я была, когда мы только познакомились? Я умела готовить всего пару простецких блюд, а торты у меня вечно подгорали. А теперь? Скорей бы встретить твоего брата. Мэдди ххх»

Девушка с удовольствием бы осталась на причале глазеть

на яхту и греться на солнышке, но она приехала сюда работать, пусть такого ощущения у нее и нет. С тех пор как автобус привез ее из аэропорта, ей казалось, что она на отдыхе. В расписании паромов то и дело мелькали перевозки Ядролинии: Хвар, Елса, Стари-Град, Супетар, Бол, Милна, Дубровник, Корчула, Анкона... Мэдди усмехнулась. Вот теперь она точно не в Бирмингеме.

Тут она осознала, что стоит не с той стороны, и ей пришлось все обходить. Не самое приятное начало ее карьеры как работницы экипажа яхты, но Мэдди была не прочь прогуляться в такую погожую погоду в чужой стране.

После Франции она год провела в родном городе, поэтому любое новое место поодаль от Мидленда радовало глаз: и погода, и пейзажи. Мэдди очень любила свою семью, правда, но еще ей нравилось проводить время отдельно от них. Ее утомляла необходимость постоянно все контролировать. Ее сестры, два брата и мама ничего не могут сделать сами, их приходится направлять, как слепых котят, а они даже спасибо в ответ не скажут. Тереза, с которой у нее минимальная разница в возрасте, сказала, что она – охочая до власти гарпия и, пока она жила во Франции, они были счастливы и прекрасно со всем справлялись. Любой, у кого есть два глаза, сказал бы, что это бред. Когда Мэдди вернулась, коллекция обуви Брендана стала больше в три раза, а Терезе было впору открывать магазин косметики, поскольку ее запасы выросли до невероятных размеров. Мэдди уверена, что бо́льшую

часть этого добра она своровала. Питались же они куриной лапшой быстрого приготовления, хотя готовить нормальную еду было бы куда дешевле.

Рядом появился мужчина, сжимающий в руках несколько полосатых сумок. Не успела Мэдди и рта раскрыть, как он проворно пересек причал и оказался на яхте.

– Здрасьте, – крикнула она. – Я Мэдди, новая работница.

Он улыбнулся, словно пират, показывая идеальные белые зубы. У него была густая черная борода.

– Добро пожаловать на борт. Я Иван, капитан судна. Мы говорили с вами по телефону, – сказал он по-английски с заметным акцентом, изобразив телефонную трубку, чтобы Мэдди наверняка его поняла.

Мэдди запрыгнула на яхту, отметив, что она непривычно покачивается на воде. О морской болезни она даже и не подумала.

– Приятно познакомиться. – Он протянул ей загорелую руку, покрытую густыми волосами. Рукопожатие у него было крепким и почти болезненным, как и следовало моряку. – Пойдем, покажу тебе, что да как.

Не оглядываясь, Иван распахнул дверь и шагнул внутрь. Мэдди прошла за ним под палубой, спустилась на несколько ступенек и оказалась в коридоре, который проходил по длине всей яхты. Стены, пол и потолок были облицованы крепким отполированным каштановым деревом, отчего у Мэдди возникло ощущение закрытого пространства, но она бы-

ла уверена, что привыкнет к нему.

— Каюты, — сказал Иван, ткнув пальцем в несколько дверей в коридоре. Потом он провел ее к еще одной лестнице, по которой они поднялись ступенек на пять. Слева находилась дверь; если еще подняться, то можно выйти на палубу.

— Камбуз, — сообщил он, ведя ее к помещению, которое оказалось кухней. Лучший друг ее брата Брендана разбирался в суднах, прожив какое-то время в Кингстон-апон-Халле, и он сказал ей, что яхта будет похожа на плавающий фургон. Мэдди частенько отдыхала на побережье Северного Йоркшира в трейлерном парке и потому ожидала увидеть газовые плиты, крохотный холодильник, втиснутый под кухонную стойку, и много маленьких шкафчиков, которые будут ютиться в любом возможном проеме.

Ожидание с реальностью не совпало. Такие кухни можно увидеть в роскошных домиках за городом, огороженных высокими заборами. Тут было целых пять газовых плит и даже крутая сковорода-гриль.

Все надежды Мэдди на то, что она будет готовить салатики и простые блюда, испарились. Ну и ну... Учитывая всю эту гарнитуру, может, они ждут блюда высокой французской кухни? Хоть Мэдди и подтянула навыки готовки, звезд Мишлен с неба она пока не хватает. Хорошо, что она разбирается в искусстве и может красиво презентовать блюдо. Себастьян научил ее паре трюков, как замаскировать ее не самую выдающуюся готовку.

– Ого. – Она медленно обвела кухню взглядом.

– Симпатично, да? – Он кинул сумки на пол и показал куда-то пальцем. – Я заказал нам продуктов, пока гости в пути. Дальше сама разбирайся, на тебе готовка и уборка. Какой у тебя опыт в этой сфере?

Мэдди вздрогнула, но потом взглянула на него с уверенной улыбкой, транслирующей, что все под контролем.

– Опыта у меня нет, но я умею готовить, убираться и хорошо лажу с людьми. Меня позвали в последнюю минуту, но не переживайте, я трудолюбивая работница.

– Значит, ты уже лучше той девчонки, которую они нанимали, – покачал головой Иван.

– Когда приезжают гости? – спросила Мэдди, с любопытством осматривая ряд холодильников из нержавеющей стали и мраморные столешницы.

– Завтра, так что времени у тебя навалом. Я уж думал, придется брать с собой бабулю, чтобы она помогала с готовкой. Хорошо, что ты приехала.

Мэдди ослепительно ему улыбнулась.

– Ну и замечательно, – сказала она, напуская на себя уверенность, какой совсем не чувствовала. Что, в конце концов, тут может быть сложного? Уборка да готовка, вот и все. Если ее не попросят встать за штурвал, все будет в порядке.

– Для меня это все в новинку, – она обвела рукой кухню, – но я быстро учусь.

Слова она выбирала с осторожностью, уклоняясь от сути.

– Тут ничего сложного. – Иван ненадолго замолчал. – Но гости не захотели платить за остальной экипаж, поэтому мне понадобится твоя помощь.

Он усмехнулся.

– Мы не ставим паруса, в основном работает мотор, но тебе предстоит научиться управлять моторной лодкой.

– Правда? Класс, – сказала она, будто каждый день этим занимается. Это он про маленькую лодочку, привязанную к яхте?

– Кое-где, особенно на Хваре, сложно швартоваться. Куда легче просто бросить якорь и отвезить гостей туда и обратно как на водном такси. – Он пожал плечами. – Когда их нужно забрать, они звонят нам. Да и всяким знаменитостям хочется уединиться время от времени.

– Знаменитостям? – Глаза Мэдди расширились, ее темные кудряшки подпрыгнули, когда она переступила с ноги на ногу. – А вы знаете, кто плывет с нами?

Иван запрокинул голову и расхохотался.

– Нет, это мы узнаем, только когда они приедут. Мой друг, будучи капитаном, как-то раз приветствовал на борту Бейонсе и Джей Зи. Вот он удивился-то.

Мэдди присвистнула. До этого она как-то и не задумывалась, кто может быть пассажиром на судне.

– Но денег у них много, это я знаю. За один день на этой яхте нужно заплатить больше шести тысяч евро. – Он сузил глаза, в них засверкало осознание собственной важности. –

Но я капитан, и я здесь главный. Я управляю судном. Я во главе. А ты... – Он нахмурился, английский его подводил. – А ты дашь им то, чего они захотят.

Его глаза поблескивали, но кое-что подсказывало Мэдди, что его слова не обсуждаются.

– А что насчет спальных мест? – спросила она, задаваясь вопросом, как будет выглядеть ее койка.

– На этом гулете восемь кают.

– Гулете? Я думала, это яхта.

– Гулет – это разновидность яхты, у которой обычно две или три мачты и несколько палуб. Такие часто ходят по Турции и Хорватии. У этой две мачты.

Мэдди кивнула, притворяясь, будто что-то понимает. На губах Ивана вновь появилась очаровательная улыбка.

– На борту будет шесть человек, так что все просто. Обычно гостей куда больше.

– Шесть людей на всей этой громадине?

Иван закатил глаза.

– У кого-то есть деньги. Хотя зачем им такое большое судно? – Он пожал плечами. – Нам же проще. Особенно тебе. Меньше ртов кормить. Меньше комнат убирать. Меньше кроватей заправлять.

– Легкотня, – сказала Мэдди, вспоминая свой дом с неорганизованными двумя братьями, двумя сестрами и мамой. Убираться и готовить на шестерых было для нее нормой.

– Вот тебе руководство для экипажа. – Он открыл шкаф-

чик и достал голубую папку на кольцах с логотипом charterной компании на обложке. – Тут правила и инструкции. Рабочие часы плавающие. – Он с фаталистическим видом пожал плечами. – Отдых полагается, но кто-то один должен всегда дежурить от завтрака до отхода гостей ко сну. Это уже от них самих зависит: кто-то предпочитает оставаться на судне, кто-то любит путешествовать. Сегодня у нас спокойно, а завтра, когда они приедут, станет шумно. Идем, я покажу тебе твою каюту.

Он взглянул на большие часы на запястье.

– Вечером я поеду домой в Сплит. Ты со мной?

Мэдди дрожала от предвкушения; девушка быстро разобрала свою сумку, представляя, как она будет нести ответственность за всю яхту. Надо называть ее гулетом, так профессиональнее звучит.

Ее каюта находилась на верхней палубе вместе с каютой Ивана и еще двумя гостевыми. Она хихикнула про себя: у нее даже *личная* ванная есть. Вот это роскошь. Правда, Мэдди поняла, что она может писать и принимать душ одновременно. На кровати ее ждали свежевystиранные бледно-голубые футболки с логотипом компании. Видимо, это что-то вроде униформы. Ей сказали привезти темно-синие шорты (за такое короткое время купить их она не успела) и темно-синие штаны (подойдут ли легинсы?), чтобы она носила их на службе. Судя по всему, это означает «постоянно»,

но Мэдди по-прежнему не чувствовала, что тут, в Хорватии, на этой замечательной яхте она будет работать.

Мэдди закрыла дверь, зажав руководство под мышкой. Она подошла к лееру, осмотрела причал, подняла лицо к солнцу. На небе – ни облачка, и даже в четыре часа дня по-прежнему очень тепло. Девушке казалось, что Бирмингем с его серыми утрами и тесным трехкомнатным домиком, который поместился бы на этой яхте пять-шесть раз, находится где-то на другой планете. Иван, может, и сказал, что каюта у нее небольшая, но дома она делила комнату с сестрой Терезой, а тут у нее есть своя личная ванная. Пусть в ней и совмещаются туалет с душем, это все равно роскошь.

По набережной прогуливались влюбленные; они остановились, чтобы поглазеть на яхту. Мэдди сделала вид, что не видит их, представляя себя гостем на судне и наслаждаясь их завистливыми взглядами. Она даже представить себе не могла, на какой работе нужно пахать, чтобы позволить себе арендовать яхту за такие немислимые деньги.

Соседние судна уступали по размеру, но гулет и близко не был самым большим в этой гавани; по другую сторону порта стояли самые громадные и шикарные яхты. Иван показал ей яхту Романа Абрамовича: элегантную, утонченную, с шестью палубами и таким количеством спутников и всяких технологичных штук, что она напомнила ей военный корабль или небольшой круизный лайнер. Другую, поменьше, предположительно зафрахтовали на это лето для Дуа Липы.

За пристанью расположился город Сплит: на узких полосках земли ютились домики с терракотовыми крышами, а за ними высились серые скалистые холмы, покрытые щебнем. Они простирались так далеко, как мог охватить взгляд.

Мэдди подпрыгнула, не в силах сдержать искреннюю радость, и побежала исследовать палубы. На этом же этаже находился небольшой обеденный уголок на закругленном конце яхты. У нее, наверное, есть специальное название. Нос? Корма? Девушка провела рукой по бутылкам в компактном, хорошо укомплектованном баре. За ним была лестница, ведущая на верхнюю палубу, по которой Мэдди и взбежала наверх. Прелесть! Ее взору открылись деревянные шезлонги с мягкими подушками знакомого морского цвета, на одном из которых она сразу же заметила свое имя. Да, насладиться тут джин-тоником будет самое то.

Иван сказал, что гости прибудут к пяти тридцати. Он встретит их на причале и привезет сюда, а это значит, будет время немного позагорать, пока все не приехали.

На главной палубе расположилось четыре каюты и крытая зона отдыха с низкими белыми кожаными креслами, дорожками бело-голубыми подушками с орнаментом икат и черными мраморными столиками. Там же было местечко в тени с одним большим столом. Мэдди прошла через зону отдыха, вышла на другую палубу и присвистнула, увидев джакузи и шезлонги. Еще один лестничный пролет привел ее на нижнюю палубу с шестью каютами.

С удовольствием изучив свое маленькое королевство, Мэдди решила побаловать себя тем самым джин-тоником за прочтением руководства для экипажа. Потом она поедет в Сплит к Ивану, который уже уехал к своей семье. Он отметил ей нужное место на карте и сказал позвонить ему, потому что сама она их квартиру в жизни не найдет.

Сплит шумел и гудел; Мэдди неспешно прогуливалась по набережной, ведь времени она себе оставила с запасом. Она остановилась, чтобы послушать живую музыку. Не сказать чтобы музыканты были молоды, но играли они бодренькие каверы «Роллинг Стоунз», «Зи Зи Топ» и Стива Харли – все любимые исполнители ее мамы, фанатки рока. Ей захотелось потанцевать вместе с толпой, но потом она представила маму в кожаной куртке, дымящей как паровоз, качающей в такт головой и отбивающей ритм ногой. А пепел от сигарет она бы лениво стряхивала на землю с безразличием на лице. И потом, ей нужно найти дом Ивана, она же не хочет прийти к ним под ночь.

Мэдди развернулась и пошла дальше, минуя многочисленные рестораны. Пахло из них божественно; официанты крутились меж столов, высоко держа подносы с блюдами. Слева от нее море блестело в лучах уходящего солнца таким невероятным голубым оттенком, что у Мэдди пальцы чесались схватиться за кисть. Она положила свои акварельные карандаши и скетчбук в ящик под кроватью, надеясь, что

у нее выдастся пара выходных. Правда, прочитав руководство, она уже не была в этом так уверена. Перед девушкой простирался битком набитый порт с очередями из машин, которые ждали посадки, машин, которые, наоборот, уезжали... Огромный белый пароход, пыхтя, отправлялся к островам, различным вдали. Отсюда можно было добраться до Далматинских островов, и Мэдди уже не терпелось поскорее отправиться в путь.

Сплит – шумный город, и ей это нравится. Здесь динамично и оживленно. Пахнет Европой, радостями жизни, в воздухе чувствуется приятное тепло. Мэдди скучала по жизни в Париже, по быстрому темпу жизни, и теперь ей дали еще одну возможность к нему вернуться.

– Добро пожаловать, подруга Ивана. Проходи-проходи.

Мэдди с широко распахнутыми глазами зашла в тихий, прохладный жилой дом, который уже всякое повидал на своем веку. Она пришла с узенькой улицы, где сновало множество людей, и протянула владелице дома букет цветов из магазина за углом, с интересом разглядывая окна в каменных стенах и арочный проем.

Квартира Ивана, расположившаяся на самом верху старых каменных ступеней, была в центре хаотичного лабиринта улочек времен Римской империи. За ними, не выходя за границы дворца Диоклетиана, находились каменные здания, на которые Мэдди успела взглянуть одним глазком. Она

словно попала в прошлое.

Благодаря ее манерам и предложенным цветам жилистая старушка у громоздкой деревянной двери встретила Мэдди улыбками и быстрой речью на хорватском.

– Это моя бабушка Весна. Она плохо говорит по-английски, – сказал Иван.

– Здравствуйте, – сказала Мэдди, улыбаясь, пока невысокая старушка изучала ее пронизательными темными глазами. Она утянула ее внутрь и закрыла за ней дверь.

– А это – моя жена Зита.

Из другой комнаты вышла высокая темноволосая женщина лет сорока, хотя угадать ее возраст было сложно из-за безупречной оливковой кожи.

– Спасибо, что пригласили меня, – сказала Мэдди, чувствуя себя немного неуверенно. Ей не хотелось нарушать семейную идиллию.

– Большая компания – это замечательно, – сказала Зита, вскинув темные брови и широко улыбнувшись. – Не стоит благодарности. Сегодня к нам пришли и бабушка, и моя мама. Они очень хотят с тобой познакомиться.

– Правда? – спросила Мэдди, нахмурившись и бросив на Ивана вопросительный взгляд.

Зита рассмеялась.

– Мы любим проводить время в большой компании. Нам только дай повод собраться за столом и вкусно поесть. В Хорватии так принято. Мы любим еду и свою семью.

– У вас отличный английский.

Зита перекинула густые темно-каштановые волосы через плечо. Она была потрясая красива: темные глаза, выразительные черты лица, живая мимика...

– Я училась в Университетском колледже Лондона, где и познакомилась с Иваном. Сначала мы поработали там несколько лет, а потом вернулись в Сплит. Тогда Иван и купил яхту. Он сдает ее чартерной компании, но остается на ней капитаном. Я работаю в аэропорту и постоянно говорю по-английски. В аэропорту с каждым годом все больше и больше людей.

Мэдди прошла за ней на кухню, где сутились крохотная Весна и другая женщина, куда выше ее. Они склонились над двумя большими сковородками, словно безумные ученые, и закидывали туда то приправы, то лавровые листья из большой стеклянной банки. Они болтали друг с другом и робко улыбались Мэдди. Каждый раз, когда к ним подбегал мальчишка, они гладили его по голове, и он убегал к длинному столу через арочный проем, зажав столовые приборы в пухлых ручках.

– Это моя мама Тонка и наш сын Бартул. Он любит помогать бабушке Тонке. Мама с бабушкой очень рады тебе, потому что Иван сказал, что тебе интересна хорватская кухня.

Зита быстро сказала что-то по-хорватски. Тонка повернулась и ответила, указав на большую дымящуюся сковородку перед ней:

– Она надеется, что ты любишь рыбу. Она готовит тебе традиционное хорватское блюдо, брудет.

– Можешь сказать ей, что я с удовольствием попробую, правда, я не очень разбираюсь в рыбе.

Когда Зита перевела, Весна была в ужасе.

– Она сказала: «Но ты же живешь на острове». – И они обе рассмеялись.

Весна подманила Мэдди к себе, взяла огромную пластиковую бутылку и щедро плеснула темно-зеленую жидкость на сковородку.

– Это оливковое масло? – спросила девушка, разглядывая полку с бутылками всевозможных размеров, но одинакового содержания.

– Да. – Зита протянула ей бутылку. – Понюхай.

До ноздрей Мэдди донесся фруктовый запах оливок, который ни с чем не спутаешь.

– Ого, как вкусно пахнет. Свежо. Прямо как, э-э, самые настоящие оливки. Можно даже представить, как их давят.

– В прошлом октябре собирали. – Зита наклонила голову, не скрывая гордость. – Здесь у каждой семьи есть свой кусочек земли с оливковыми деревьями. Наш находится на Браче, высоко в горах. Весной мы все едем на остров на целую неделю, а потом оливки давят уже тут, на местном производстве. Возьми с собой бутылочку на яхту.

– Спасибо, я очень благодарна, – сказала Мэдди, уже размышляя о том, что она припасет масло для отменной заправ-

ки к салату.

– И обязательно попробуй наше вино. – Зита указала на большие стеклянные кувшины за арочным проемом.

– Ого! – Мэдди принялась разглядывать вино насыщенного цвета ежевики в стеклянных кувшинах с оплеткой, придававшей им деревенский шарм. – А как эти штуки называются? Это домашнее вино?

– На английском вы называете их «демиджоны». – Зита рассмеялась и покачала головой. – Да, вино домашнее, но это не мы его делали, а двоюродный брат Ивана.

– На, попробуй. – Иван разлил вино из кувшина по стеклянным бокалам и вручил ей один.

– Я не очень разбираюсь в вине, – сказала Мэдди, робко делая глоток.

– Ты просто скажи, нравится тебе или нет. – Иван поднял свой бокал. – *Živilli*³.

– *Živilli*, – подхватила Зита.

– М-м, как вкусно, – сказала Мэдди.

Зита тоже сделала глоток.

– Далматинское красное вино считается очень хорошим. У нас его много. Белое немного отличается, его часто подают в ресторанах, разбавленным водой. Туристы злятся. На мой вкус, красное самое лучшее. – Она пожала плечами. – Мы с Иваном предпочитаем красное. Обязательно возьми с собой бутылочку.

³ Будем здоровы (*хорв.*).

На Мэдди надели фартук и подвели к духовке, где Тонка зажаривала несколько кусков различной рыбы. Ее импровизированный кулинарный мастер-класс включал в себя много жестов и смеха, и Тонка, и Весна пытались научить ее готовить это блюдо. После этого, к удивлению Мэдди, они показывали, как делать пасту.

– Я думала, это итальянское блюдо, – сказала она Зите.

– Мы с Италией – соседи, и история наших стран тесно связана. Венецианцы правили Хорватией больше трехсот лет. Мы часто едим пасту, но подаем ее обычно не с рыбой, а с мясом или морепродуктами. Иногда добавляем *rezanci*⁴, или *vermicelli* по-итальянски, в рыбное рагу, а еще у моей мамы есть особый ингредиент. – Ее глаза заблестели в предвкушении. – Уверена, что она захочет его тебе показать.

Тонка со всем возможным энтузиазмом учила Мэдди, от души похлопывая ее по плечу с завидной регулярностью, а Весна стояла рядом и одобрительно кивала.

– Очень вкусно! – сказала Мэдди, когда Тонка протянула ей ложку брудета. Несмотря на простоту ингредиентов, вкус у блюда оказался очень яркий и насыщенный. – Не уверена, что у меня получится так же восхитительно, – сказала она, скривившись и показав пальцем на себя, позабавив этим Тонку. Она снова похлопала Мэдди по плечу и указала пальцем на рыбу и приправы, что лежали рядом.

– Мама говорит, если возьмешь свежую рыбу с рынка и не

⁴ Лапша (хорв.).

будешь жалеть приправ, то все пойдет как надо, – перевела Зита.

Мэдди с благодарностью улыбнулась старушке:

– Я бы не была в этом так уверена. Но зато теперь я знаю, какую рыбу брать.

Под руководством Зиты она сделала много разных замечток и набросала длинный список рыбы, которую стоит брать на рынке. Тонка продиктовала ей несколько рецептов, то и дело помахивая деревянной ложкой в сторону Зиты, которая старательно переводила сказанное под неустанным наблюдением Весны. Настоящая командная работа!

Зита пожала маленькую, худощавую ручку Весны и подняла взгляд на Мэдди.

– Мама хочет показать тебе свой финальный штрих. Это большая честь: некоторые рецепты она бережно хранит у самого сердца, и этим она со мной никогда не делилась.

– Идем, идем, – сказала Весна, указывая на большой стол. Она принялась разливать рыбное рагу по тарелкам.

Мэдди села между Тонкой и Зитой, слушая непрерывный поток хорватского. Время от времени Зита переводила, чтобы девушка не теряла нить разговора.

– Мама рассказывает о своей соседке, которую повстречала на базаре. Ее сын занимается верхним этажом материнского дома, чтобы обустроить его для себя и жены. Он начал и бросил дело на полпути, и теперь у них по стенам стекает

вода.

Тонка покачала головой и добавила что-то еще, драматично закатив глаза. Зита захихикала.

– Похоже, он еще и работает сантехником.

– Ой, – сказала Мэдди. – Наверное, его не очень часто вызывают.

Зита перевела ее слова, и Тонка от души рассмеялась.

– В Хорватии это обычное дело: у семей большие дома, поэтому дети переезжают на верхний этаж, – объяснила Зита.

– Боже, хорошо, что у нас такой традиции нет. – Мэдди слегка вздрогнула.

Языковой барьер не помешал Мэдди понять, что ее еще никогда не окружали такими теплом и заботой. Не в обиду ее семье, но никто из ее родных не захотел бы попробовать рыбу. Или они согласились бы и устоялись на нее с нескрываемым подозрением, потому что в забегаловке рыбу подают в кляре и с пюре из горошка.

– Вкусно? – спросила Весна.

Мэдди кивнула.

– Очень. – Она похлопала себя по животику, как Винни-Пух. Все за столом просияли. – Если у меня получится приготовить что-то такое же вкусное, я буду безумно счастлива. Может, если я запутаюсь, Иван мне поможет.

Зита издала смешок и перевела ее слова своей матери и бабушке Ивана. После долгой многозначительной паузы все

трое громко расхохотались.

– Не поможет, видимо, – сказала Мэдди и тоже рассмеялась. Иван лишь головой покачал.

– Я капитан судна. – Он подмигнул девушке. – А не кок.

Глава 4

Целая яхта в распоряжении Мэдди и шезлонги на любой вкус. Ну просто рай какой-то! Девушка потягивала джин-тоник, наслаждаясь лучами солнца, ласкающими ее кожу. Она заслужила понежиться на солнышке; руководство для экипажа, равно как и вчерашний визит к Ивану, наградили ее бесценными знаниями. Мэдди улыбнулась, размышляя о минувшем вечере. Она со всем разобралась, составила меню и списки покупок. Еще у нее есть целый набор рекомендаций от Зиты – на каких рынках и в каких магазинах закупаться во всех портах, в которых они, скорее всего, останутся. Первым делом, купив рыбу, Мэдди будет готовить рыбное рагу.

Вчера они с удовольствием распили вкуснейшее красное вино, но сегодня девушка встала по будильнику уже в шесть утра. К восьми тридцати все каюты были проверены на чистоту, новые полотенца разложены в каждой ванной, а обед и ужин распланированы. Еще Мэдди сделала канапе из оливок и свежих анчоусов и подготовила сырную и мясную тарелки. Гости должны были прибыть к пяти тридцати.

Мэдди потянулась за напитком, прячась от солнца за книжкой, и тут услышала голоса. По деревянным доскам пристани с грохотом катились чемоданы. Не обращая на них внимания, девушка перелистнула страничку и глотнула джин-тоника.

Мэдди прочитала еще несколько страниц и уже задумалась, не поставить ли ей будильник, чтобы немножко вздремнуть, как кто-то крикнул:

– Эй, люди на палубе «Авантюриста»! Есть кто дома?

Мэдди замерла, вжимаясь в спинку шезлонга. Это же не могут быть их гости. Иван четко обозначил: раньше пяти тридцати никого не ждать. Девушка с тревогой осмотрелась и поняла, что с пристани ее не видно.

– Приве-ет? Тут кто-нибудь есть? – позвал второй голос, теперь женский.

Мэдди не шевельнулась. Время – полтретьего, не без пяти и не без десяти пять. Даже если гости сами добрались сюда, еще слишком рано.

Теперь отдохнуть не получится. Мэдди вжалась в шезлонг, бурля от возмущения. Она даже не могла попить из трубочки – вдруг раздастся нежелательный звук. Девушка прислушалась, надеясь, что они развернутся и уйдут, но ничего подобного. Она еще и сгорала от любопытства: кто эти гости? Ей очень интересно, какие они. Пока непонятно, семья они, группа друзей или возлюбленные. Может, рискнуть и выглянуть? Нет, тогда они ее увидят. Тогда придется объяснять, что им пока сюда нельзя, и... Вряд ли Мэдди сможет постоять за себя, если речь идет о зажиточных людях, что платят ей зарплату.

В общем, она застряла на палубе в новеньком купальнике, который купила, поддавшись прихоти. Носить такое на лю-

дях она бы не решилась. У Мэдди широкие кости, она совсем не десятого размера⁵. У нее здоровое телосложение, одежду она носит от двенадцатого до четырнадцатого размера, и ее живот никогда и ни за что не будет плоским. И – да, у нее есть складки на талии. И меняться она не собирается.

Теперь, раз уж гости здесь, сконцентрироваться на книге Мэдди уже не могла. Пока двое из них переговаривались между собой, она еле осмеливалась дышать. Слов было не разобрать, но у одного тон был раздраженный, а у другого – разочарованный. Черт. Теперь еще и в туалет захотелось. Чем больше она старалась об этом не думать, тем сильнее ей хотелось. Это психосоматическое, на самом деле ей и не нужно было в туалет, хотя мочевого пузыря с ней бы поспорил. Ох, и почему она не захватила футболку, чтобы прикрыться? Это ей за то, что возомнила себя королевой яхты.

Может, плюхнуться животом на палубу и подползти к лестнице, как спецназ? В голове заиграла музыка из «Миссия невыполнима», что совсем не помогло Мэдди. Тогда ей придется животом протереть ступеньки, а ей нужно в туалет. Не очень умно. Она осторожно опустилась на деревянный пол и поползла, словно гусеница. И как у Тома Круза это получалось? Она уже пожалела, что решила спуститься по лестнице на животе. Теперь, раз уж она начала, вставать было поздно.

Мэдди добралась до подножия лестницы и обрадовалась

⁵ Соответствует российскому 44-му.

тому, что это закончилось. Вставать она пока не решилась; если она видит их яркие, модные чемоданы, видят ли они ее? Она вдруг замерла. Это что, «Луи Виттон»? Мэдди достаточно времени провела в Париже, чтобы знать, что этот бренд безумно дорогой. И сколько у них таких чемоданов? Да у нее даже столько одежды не наберется. Девушка чуть подалась вперед, задержав дыхание. Она сама не знала, зачем. Может, возомнила себя шпионом?

Ее взору предстали макушки двух гостей. Наверх никто не смотрел, поэтому Мэдди решилась снова на них взглянуть. У мужчины повыше были песочные светлые волосы, а рядом с ним стояла худенькая, крошечная девушка. Ее пышная светлая грива отливала золотым. На ней были белые джинсы, явно дороже, чем те, что Мэдди купила в «Теско», и свободный шелковый топ, всем своим видом кричащий о том, что это дизайнерская вещь. Отсюда непонятно, знаменитости они или нет, но богачи точно.

Пусть они и обеспеченные, а пришли рано. Прижимаясь к стене, Мэдди шаг за шагом продвигалась к следующей лестнице. По ней она пройдет к другой части яхты, где ее уж точно никто не увидит.

Мэдди решила воспользоваться ванной на нижней палубе. Пока она кралась, судно вдруг покачнулось, будто на него запрыгнул кто-то еще. Девушка обомлела.

Вот же скользкие мерзавцы. Сказали ведь, прибытие в пять тридцать! Она все распланировала так, чтобы час ее ни-

кто не тревожил и она могла понежиться на солнце. Кем они себя возомнили? Если у них есть деньги, это еще не значит, что они могут делать все, что им вздумается.

Мэдди прислушалась. О нет! Кто-то опускает трап!

Она расправила плечи, сразу забыла, как сильно ей хотелось в туалет, прошла по коридору, поднялась по ступенькам к носу яхты и распахнула деревянную дверь. Только потом она вспомнила, что на ней крохотный купальник и больше ничего.

– Простите? – сказала Мэдди, быстро осматривая развернувшуюся перед ней сцену.

Светловолосый мужчина обернулся с виноватым видом. Трап уже опустился на пристань.

– Чем это вы тут занимаетесь?

Он покраснел и уже открыл рот, чтобы ответить, как заговорила девушка, растягивая слова, словно аристократка:

– Мы вас сто лет ждали. Вы что, не слышали? Вы кто?

Девушка на пятнадцати- или даже восемнадцатисантиметровых шпильках прошла по трапу с легкостью горной козочки. Мэдди удивленно вытаращилась на нее: из-за совершенного подвига и вопиющей наглости. Черт, она такая красивая, что дыхание перехватывает. Мэдди уставилась на нее, не в силах отвести взгляд. Такие люди обычно встречаются в журналах или фильмах. Она точно знаменитость.

Уверенность Мэдди стала улетучиваться, стоило ей увидеть эту девушку и то, как властно и авторитетно она дер-

жалась. Она остро почувствовала, что стоит тут полуголая, с далеко не идеальным телом.

– И что, так и будете стоять столбом? Вы нас пустите или как?

Мэдди сжала кулак за спиной. Не забывай, клиент платит, напомнила она себе. Не забывай, что было сказано в руководстве. Там много внимания уделялось тому, как нужно обращаться с гостями. Если кратко, нужно подлизываться.

– Извините, но мы не можем пустить вас на борт раньше пяти тридцати. Капитан должен встретить вас на причале и привести сюда.

– А вы что тогда тут делаете? – Она издевательски выгнула бровь.

– Я – член экипажа.

– А. – И вот так в одно междометие она умудрилась вложить вселенское недовольство и презрение.

– Гостям не разрешается приходить на судно раньше положенного времени.

– Я не потащусь обратно на каблуках в такую жару. – Девушка с насмешливым видом оглядела Мэдди. Она задержалась взглядом на пухлых бедрах, вскинув брови будто бы в удивлении. – Вы, похоже, все равно сейчас не заняты.

И под этим она подразумевала, что Мэдди лентяйничает. Девушка перекинула волосы через плечо и протянула руку мужчине в молчаливой, но при этом кокетливой просьбе. Он помог ей пройти последние полметра планки, хотя до этого

она и сама прекрасно справлялась.

Мэдди сглотнула. Об этом в руководстве ничего не говорилось.

Ник ужасно устал, и, честно говоря, ему стало немного стыдно, когда его застали на яхте. С тех пор как они прибыли в аэропорт, Тара постоянно чего-то требовала. Она настаивала, чтобы до Сплита они ехали на такси, вдруг ее узнают фанаты. Более того, она взяла с собой аж три чемодана, во что он до сих пор не мог поверить. Он-то с собой привез всего один предмет ручной клади. Что еще нужно на отдыхе, кроме шортов? И потом, Ник по-прежнему сомневался, стоило ли покупать те шорты и футболку без рукавов, которые ему всучила Тара. Если бы братья увидели его в этом, подняли бы на смех. Они называли бы его *тряпкой*, но зато Тару все устроило. Стоило ему уступить и позволить ей выбрать – шопинг пошел как по маслу. В конце концов, она работает в индустрии моды, знает, как все устроено, а Ник терпеть не мог походы в магазин.

Они шагнули в жару и духоту пристани, и Тара совсем расклеилась. Ник даже стал переживать, что она упадет в обморок или еще чего. Ну, раз уж они здесь, почему бы не подняться на борт? Ничего страшного не случится. Они скинут багаж, пропустят по стаканчику чего-нибудь холодного. Дуглас зафрахтовал яхту, вот пусть и разбирается с заселением.

– Так капитан велел, не я, – сказала девушка в купальнике. Лицо у нее покраснело. Мужчина нахмурился. Видимо, они

оторвали ее от очень важного занятия: загорания. – Может, вы оставите тут свои вещи и вернетесь на пристань, чтобы заселиться должным образом?

– Тара вам все объяснила. Нам жарко, мы уже тут, мы заплатили за яхту и хотим посидеть в тенике и дожждаться остальных, – отрезал Ник. Он теперь с Тарой, и он знает, как ведут себя ее друзья. Властно и прямолинейно. Вот как решаются дела в этом мире. – Что, мы сильно вам помешаем?

Он выразительно посмотрел на ее купальник, о чем сразу пожалел. Девушка уставилась на него в ответ, краснея до кончиков ушей.

Теперь это она заставляет его испытывать чувство вины. Выиграть в этой схватке у него не получилось. Одно Ник знал наверняка: мама бы не обрадовалась, узнай, как он себя ведет. Смотреть девушке в глаза он не стал; мужчина повернулся и пошел по трапу за чемоданами Тары. Сейчас он был бы куда счастливее, окажись он в пабе в полном одиночестве и с огромной пинтой пива.

Тара неспешно прошла вперед и поднялась по деревянной лестнице на палубу. Пока Ник вез чемодан на колесиках по трапу, она подошла к перилам и помахала ему рукой:

– Ой, как тут здорово. Поднимайся. Захватишь мои чемоданчики?

Ник несколько раз возвращался за багажом и только потом поднялся на главную палубу, захватив с собой шоппер Тары из ручной клади. За это время девушка успела обустро-

иться в зоне отдыха, оснащенной кондиционером. Она скинула с себя туфли – буквально, потому что они лежали в самом центре, – и джинсы. Тара развалилась на белом кожаном диване, вытянув длинные загорелые ноги и оставшись в одних трусиках.

Ник моргнул, не зная, куда смотреть.

– Как же замечательно, когда ничего не надо делать, да, милый? – Она взяла телефон, чтобы сделать селфи, и лениво потянулась. На одну неверную, мимолетную секунду ее белый топ задрался, обнажив плоский живот и тонкую полоску кружева и шелка, маскирующуюся под нижнее белье. Ник задался вопросом, специально ли она это сделала. Во рту пересохло, и до него дошло, что он в открытую пялится.

Кое-как оторвав взгляд от ее длинных ног, мужчина оглядел судно и негромко присвистнул.

– Неплохо тут.

Он уже сгорал от желания сделать кучу фотографий и отправить их в семейный чат, но Тара, похоже, не хотела торопиться, а Ник не желал показаться ей слишком восторженным или неловким.

Тара безразлично пожала плечами и сказала: «Ну, наверное». Она потянулась за шоппером и достала стопку глянце-вых журналов, которые купила в аэропорту.

– Интересно, когда остальные приедут? И та ужасная девка, она ушла? Вот ведь выскочка.

Она открыла журнал и принялась листать его, иногда цо-

кая языком и качая головой.

Раз уж Тара целиком и полностью посвятила себя этому занятию, Ник решил выйти на палубу, на теплый воздух. Он улыбнулся, разглядывая туманные очертания островов на горизонте, подставил лицо приятному ветерку. Ник встал, слегка расставив ноги, провел руками по гладкой поверхности блестящих деревянных перил. Судно успокаивающе покачивалось. Это все взаправду. Ник Хэдли на борту дорогой яхты со своей ослепительной девушкой-моделью. Кто бы мог подумать?

Глава 5

Прикрывшись должным образом, то есть надев футболку с логотипом компании и темно-синие шорты, Мэдди отправилась на кухню. Простите, на камбуз. Она резала огурец так, словно желала ему смерти. Если остальные гости будут похожи на этих высокомерных засранцев, путешествие будет очень долгим.

Девушка сверилась с рецептом Тонки, взяла лук и принялась очищать его от золотистой шелухи. Она надеялась, что часто пересекаться с гостями ей не придется, и вообще, может, они не все будут как мистер и миссис Мы-знаем-что-мы-красивы-и-можем-делать-все-что-нам-вздумается. Мэдди утешала себя, что брат Нины будет не таким, и надеялась, что он встанет на ее сторону. Вот эта парочка – это ее самый главный страх. Девушка очень ждала встречи с Ником, он-то точно не будет задирать нос. Он вырос на севере, да еще и на ферме. Какая тут роскошь?

Монотонная работа с продуктами успокоила Мэдди. Она не забывала поглядывать на часы. Когда на яхте наконец раздались голоса, шаги и грохот чемоданов, она поняла, что прибыли остальные гости. Это был сигнал к действию: девушка побежала на нос судна, чтобы там на столе разложить канapé в соответствии с ее библией для персонала.

Пока люди собирались на палубе, Мэдди сунула под мыш-

ку ведерко со льдом и шампанским и взяла поднос с бокалами-флуте, хотя нельзя сказать, что держался он устойчиво. Она пошла встречать гостей. В руководстве говорилось: в первый день подавать шампанское, хотя Мэдди уже сгорала от желания предложить им вино в демиджонах, чтобы добавить атмосферы Хорватии.

Стоило ей появиться на палубе, как женщина с короткими красными волосами, подстриженными в озорном стиле пикси, хлопнула в ладоши:

– Время шампанского! А это значит, наш отдых начался. Тебе помочь? – Она осторожно, чтобы не задеть шесть бокалов, подняла ведерко с шампанским с подноса.

– Спасибо, – сказала Мэдди, сразу потеплев к ней. Она проследовала за женщиной к столу. – Получается, не все гости такие придурки.

Женщина громко, от души, рассмеялась. Мэдди с ужасом осознала, что сказала это вслух.

– Ой, извините, пожалуйста. Я не это имела в виду.

– Ничего страшного. – Она подмигнула Мэдди. – Мне нравятся честные люди. Меня зовут Сири, и – нет, у меня нет ответа на любой твой вопрос.

– Это Мэдди, – представил ее Иван, на котором сегодня была роскошная форма капитана.

Мэдди сдержала смешок и уставилась на свою обувь. Она была готова поспорить, что Тонка и Весна пришли бы в восторг от его поразительного костюма с белой рубашкой

и черно-золотыми эполетами. Образ завершала белая капитанская фуражка и белые брюки. Да и Зите, с ее своеобразными чувством юмора и прагматизмом, нашлось бы что сказать.

– Всем привет! – Мэдди пробежалась глазами по лицам, намеренно избегая «жуткую парочку», как она их прозвала, что сидели за дальним концом стола.

К ним присоединились еще четыре человека: двое мужчин, две женщины. Мэдди попыталась понять, какие отношения их связывают; на возлюбленных они похожи не были. На краю скамьи, ближе всего к Мэдди, сидели двое мужчин. Один из них был высоким и темноволосым, с пленительной внешностью кинозвезды. От таких у дам коленки подкашиваются. Голубая льняная рубашка, наверняка выбранная специально для этого, подчеркивала его темно-синие глаза. Мужчина сидел, вытянув длинные ноги и скрестив их в лодыжках, излучая такое высокомерие и уверенность, словно это его яхта. Она бы подумала, что это он зафрахтовал яхту, но мужчина был темненьким, как Нина, а значит, это Ник.

– Мэдди будет вашей стюардессой на время путешествия, – объяснил Иван. – Она будет убирать ваши каюты, подавать завтрак, обед и ужин, а еще управлять лодкой, когда потребуется.

– Здравствуй, Мэдди, – сказал тот, кого она приняла за Ника, глубоким и приятным голосом. Он обаятельно улыбнулся ей. Конечно, он будет к ней дружелюбен – она ведь

подруга Нины! У Мэдди перехватило дыхание, когда она повернулась к нему. Почему подруга не предупредила ее? С другой стороны, сама Нина на это внимание, наверное, не обращает, а если они с Мэдди на этом сходятся, так братья для нее вообще просто занозы в заднице. Уф. У него потрясающие глаза.

– Тебе помочь? – Он забрал у нее бутылку, коснувшись своими пальцами ее. Ловко он это придумал. Уголок ее губ приподнялся. А брат Нины полон сюрпризов! Он тепло улыбнулся ей и протянул свободную руку. – Я Саймон. Саймон Бересфорд.

– С-Саймон. – Она машинально пожала ему руку, мысли лихорадочно вертелись в ее голове. – Привет, – добавила Мэдди каким-то жалким, писклявым голосом.

Она бросила взгляд на другого парня, что держал высокую, стройную девушку за руку. У нее были роскошные иссиня-черные волосы, которые ниспадали идеальной волной. Значит, это Ник. Нина говорила, что он встречается с моделью, а эта девушка с такими-то волосами как минимум снимается в рекламе шампуня. Здоровые, густые локоны излучали блеск и сияние, но создавали невыгодный фон для песочных волос Ника, тонких и редких. Он явно сражался с облысением и проигрывал. Мэдди поджала губы, чтобы не показать своего удивления. Красавчиком с таким пухлым и чем-то напоминающим мопса лицом его не назовешь, но было что-то завораживающее в его карих глазах. В них свети-

лись энергия и энтузиазм, пока он с довольным выражением лица посматривал на остальных.

Тем временем Саймон взял бутылку шампанского, ловко снял мюзле, фольгу и отработанным движением откупорил пробку. Ему точно не впервой, он ни капельки не пролил. Он вручил ей бутылку с легкой улыбкой.

– Спасибо. Ловко у вас это получилось.

– Я вообще ловкий, – с довольно двусмысленной интонацией ответил Саймон.

Мэдди улыбнулась мужчине и разлила шампанское по бокалам. Она отдавала их Саймону, а он передавал бокалы остальным.

– Выпьем же за *bon voyage*, – сказал Ник неожиданно приятным голосом. – Давайте же все вдоволь повеселимся и отдохнем. А если вам что-то не нравится, я и слышать об этом не хочу.

Он просиял улыбкой от уха до уха.

– Это судно стоило бешеных денег, поэтому если вам что-то не понравится, вы отправитесь на прогулку по доске. Хорошего всем отпуска!

– Ой, Дуглас, – проворчала его девушка.

Дуглас! Мэдди моргнула, совсем растерявшись. Она даже беззвучно проговорила его имя. Если это Дуглас, то... Быть такого не может. Она бросила изумленный взгляд на мужчину в конце стола, и он, по несчастному стечению обстоятельств, в ту же секунду посмотрел на нее. Он с издевкой

вздернул бровь, и Мэдди поспешила отвести взгляд.

Это Ник! Судя по выражению его лица, он тоже понял, что девушка только-только догадалась, кто он такой. Мэдди слегка покачала головой, и Ник насмешливо отсалютовал ей бокалом.

– Ты иногда такой кретин. – Девушка все не отставала от Дугласа.

– Чего? – с подавленным видом переспросил он.

– Ничего. – Она поджала губы и глотнула шампанского.

Саймон и Сири подняли бокалы, эхом повторив «хорошего отпуска!».

– Извини, милочка, надо было сразу должным образом представиться. Я Дуглас, – и последнюю часть фразы он сказал весьма гордо: – И я зафрахтовал эту яхту.

– По-моему, все уже в курсе, – пробурчала его недовольная девушка.

Дуглас пропустил ее комментарий мимо ушей.

– Это моя девушка, Кори.

Она кивнула, но ее глаза оставались стеклянными, будто мыслями она была не здесь.

– Это Тара, это Ник, это Сири, вроде как моя двоюродная сестра. – Дуглас тепло ей улыбнулся.

Сири кивнула. Тара даже не подняла на Мэдди глаз, продолжая болтать с Кори. Ник смотрел куда-то вдаль, на море, не выказывая ни капли интереса.

– Очень приятно с вами познакомиться, – сказала Мэд-

ди. – Надеюсь, вы замечательно проведете время.

– Я в этом уверен, – сказал Дуглас. – Я поговорил с Иваном по поводу нашего курса на следующие две с половиной недели.

Он постучал пальцем по таблице на столе.

– Мы от души повеселимся, будем исследовать острова и отрываться день за днем!

– Звучит прекрасно. Кто-нибудь желает отведать канapé?

– Боже, да, я умираю с голоду, – сказал Дуглас. – А когда у нас ужин? Девушки наверняка захотят сначала привести себя в порядок.

– А во сколько вам удобно? – спросила Мэдди.

– Кори, Тара, когда вам будет удобно, дамы?

Тара в задумчивости нахмурила брови.

– Если я буду переодеваться, то буду готова не раньше девяти.

– Я тоже, – сказала Кори.

– Девяти? – Ник выглядел обеспокоенным. Так ему и надо, подумала Мэдди, пусть его девушка капризничает. Они друг друга заслуживают.

– Та-ара, дорога-ая, – протянул Саймон. – Мы же не на приеме у королевы, зачем так наряжаться? Мы очень хотим есть. Тех обедов, что подают в самолете, недостаточно.

– Девять – это немного поздновато, – извиняющимся тоном произнес Дуглас. – Мы почти ничего не ели в самолете.

– Ты съел сэндвич и целую упаковку песочного печенья, –

возмутилась Кори.

– Этого не хватает для поддержания жизнедеятельности, – заявил Саймон, чем заслужил благодарный взгляд Дугласа.

«Одни подкаблучники и тряпки», – подумала Мэдди.

– Я всегда голодна, – объявила Сири. – Давайте в полвосьмого.

Слава богу, среди них есть кто-то, кто умеет принимать решения.

– Договорились, – живо ответил Дуглас.

Мэдди поскорее ушла, пока кто-нибудь не передумал.

– Ты же не против, Ник, милый? – спросила Тара, положив руку ему на грудь. – Мне очень нужно выспаться, иначе у меня будут ужасные мешки под глазами. Бедная Кори рассказала мне, что Дуглас так храпит, что она полночи уснуть не может. В смысле, я не думаю, что ты храпишь, но я просто не люблю делить с кем-то кровать.

– Ничего страшного, – ответил Ник, взяв ее за руку. – И потом, я сам не уверен, что помещусь в твоей каюте со всей этой одеждой.

– Уф! – Тара закатила глаза. – Представляешь, ее вообще некуда вешать. Не знаю, что я буду делать.

Она взглянула на золотые часы с тонким ремешком у себя на запястье.

– Плохо, что мы так рано едим. Вот испанцы знали толк в ужинах. В прошлом году, когда мы были в Барселоне, мы не садились за стол раньше десяти.

– Ну, я лично очень рад, что мы не в Испании, – сказал Ник. – Умираю с голоду.

– Тебе очень повезло, что у тебя такой быстрый метаболизм. – Рука Тары двинулась вниз по его груди. – И восхитительный пресс, – игриво добавила она.

Ник опустил голову, намереваясь поцеловать Тару, обхватил ее руками. Касаясь губ Тары своими, он прижал ее миниатюрную фигурку к себе, не забывая о том, какая она хрупкая. Она поцеловала его в ответ, пробормотав что-то невнятное; Ник стал целовать настойчивей, запустил руку в ее волосы, начал поглаживать затылок. Девушка подалась ему навстречу, касаясь его бедер своими. Кровь Ника вскипела.

– М-м. – Она отстранилась, тут же поправила волосы. – Мужчины решили, что ужин будет рано, поэтому у меня очень мало времени.

– Тара, ты потрясающе выглядишь, как и всегда. – Он убрал ее роскошные волосы и поцеловал в плечо.

Тара заерзала на месте и улыбнулась Нику.

– Ники, не искушай меня. Мне пора собираться.

Спорить было бесполезно: Тара – это определение слова «упрямая», поэтому Ник отстранился, с неудовольствием подумав о том, что искусить девушку ему пока так и не удалось.

– Хорошо, увидимся за ужином.

Тара надула губки.

– А ты за мной не зайдешь?

Он рассмеялся.

– Могу, конечно, но у меня каюта на главной палубе. Легче за ужином встретиться.

– Тогда ладно. – Девушка повернулась и упорхнула в свою каюту.

Ник криво улыбнулся и пошел к себе. Тара всегда знает, чего хочет. Качество, заслуживающее восхищения, да?

Глава 6

– Ой! – Мэдди врезалась в чью-то широкую грудь, заворачивая за угол задней – нет, правильнее называть ее кормовой – части яхты. Она планировала утреннюю вылазку в пекарню «Бобис», которую ей посоветовала Зита. Девушка и не думала встретить кого-то в такой ранний час.

– Извини. А, это ты. – Голос Ника сочился неодобрением. Мэдди встретила взглядом с прищуром его голубых глаз.

– А что, перед прислугой ты не извиняешься? – съязвила она. Как же она разочарована, что *это* – брат Нины.

– Я не это имел в виду. – Он сверлил ее взглядом, и Мэдди сверлила его взглядом в ответ. Они словно два боксера на ринге: красуются друг перед другом, прежде чем нанести первый удар. Мужчина язвительно ухмыльнулся и отошел, позволяя ей спуститься по трапу. – После вас.

Мэдди коротко кивнула и зашагала по узенькому проходу. В руках она сжимала плетеную корзинку – находка, которой она очень обрадовалась, ведь она всегда хотела пойти по магазинам с чем-то подобным. Теперь ей хотелось дать этой корзинкой по голове Нику, который ужасно ее раздражал.

Когда Мэдди зашагала по причалу, мужчина пошел за ней.

– Куда идешь?

– В Сплит, – ответила она, вспомнив, что с гостями нужно

быть хоть чуточку вежливее. Она-то думала, сейчас все спят.

– А центр далеко? – спросил Ник, прикрыв глаза ладонью – солнце уже вовсю светило – и устремив взгляд на город.

– Не особо, но идти минут двадцать как минимум, – сказала Мэдди.

– Раз ты уходишь, то и у меня есть время осмотреться. Без тебя-то яхта не уплывет.

Они шли дальше – Ник прилип к ней как банный лист. К сожалению, другого пути до города не было, только этот.

– Мы отправляемся в полдесятого, после завтрака. Его я подам в полдевятого, а вернуться должна к восьми. – Она взглянула на часы. У нее было еще целых два часа в запасе.

Ник издал смешок:

– Ну, удачи. Тара и Кори так рано не встают.

– Чего? Ты что, знаешь их режим сна? – спросила Мэдди. – Впечатляет.

Ник поджал губы.

– Они живут в одной квартире. И потом, модели работают много часов и часто возвращаются домой поздно.

– Пф-ф, – фыркнула Мэдди. – Миленькая работенка, если тебя на нее вообще возьмут.

– У них высокие требования, – ответил Ник.

– Да, я прям представляю, как это сложно – стоишь пару часиков, вся из себя такая великолепная...

– Тебе-то откуда знать?

– Ай. – Мэдди издала печальный смешок. – Смотрите-ка, он заметил, что я не нулевого размера.

Ник напрягся, скривил губы.

– Ты же знаешь, что я не это имел в виду.

– А что ты имел в виду? Сгораю от желания узнать. По-моему, ты высказался очень даже... – Мэдди замолчала, позволяя ему самому продолжить предложение.

– Я хотел сказать, что если бы ты когда-нибудь участвовала в съемке, то знала бы, что это тяжелый труд.

Мэдди скептически подняла бровь:

– Нет, приятель, тяжелый труд – это когда ты пашешь на сменах по двенадцать часов, а когда приходишь домой, у тебя спина отваливается. И платят ничтожно мало.

– А ты ищешь повода поспорить, да? Разве тебе так сложно заниматься яхтой? По-моему, замечательная работа. Вчера ты даже не удосужилась пустить нас на борт, хотя, судя по всему, ты прекрасно проводила время.

– Я вам уже объяснила, что мы ждали вас к пяти тридцати. Все остальные приехали вовремя. Или вы такие важные, что обычные правила на вас не распространяются?

Ник стиснул челюсть. Выглядел он очень раздраженным, чем и порадовал Мэдди.

– Ты всегда такая грубая с гостями?

– Нет, – весело отозвалась Мэдди, шагая и размахивая корзинкой. – Только с тобой.

Ник не нашел, что ответить. Они шли в тишине. Мэдди

усмехнулась про себя; она поверить не могла, что он – брат Нины. Ее-то убедили, что Ник – милый, приземленный парень. Честно говоря, она немного разочаровалась. Она-то навоображала себе, что они будут хорошо общаться, может, он даже встанет на ее сторону. В этих шортах Ник выглядит как мудака, что он, собственно, вчера и доказал. Кто вообще носит такие обтягивающие шорты, даже если они выгодно облегают зад?

– Кажется, ты привлекаешь внимание, – сказала Мэдди, изо всех сил сохраняя спокойное выражение лица.

– Чего? – Ник непонимающе посмотрел на нее.

– Парень, что прошел мимо нас, не мог от тебя взгляд оторвать.

Она засмеялась, когда Ник испуганно оглянулся, и расхохоталась еще громче, когда темноволосый незнакомец ухмыльнулся ему в ответ, обнажив два ряда ровных белых зубов.

– А это чтоб быстрее съесть тебя, Красная Шапочка! – проговорила Мэдди, захлебываясь от смеха.

Губы Ника вытянулись в одну прямую линию. Он повернул голову так быстро, что Мэдди диву далась, как он себе шею не свернул.

– Я же сказала. Это все шорты. – Девушка посмотрела на обтягивающую ткань с какими-то сомнительными отворотами. Они даже особо удобными не выглядят.

– А что с ними не так? – настороженно спросил Ник.

– Если ты жиголо или соблазнитель, то ничего.

Ник раздраженно выдохнул.

– Это же шорты.

– Это я вижу, – поддразнила его Мэдди.

– А ты у нас теперь разбираешься в моде? – спросил он сквозь стиснутые зубы.

– Ты же на отдыхе, а не на подиуме. Расслабляйся, наслаждайся жизнью. Не лучше ли отдать предпочтение удобной одежде? – Ее губы дрогнули, пока она пыталась сдержать улыбку. Из-за этих шорт ему потом будет сложно ребенка зачать. Но одного Мэдди отрицать не будет: ее впечатлили его сильные, мускулистые бедра, не говоря уже о заднице. Жаль, что сам Ник такой придурок. – Смотри, чтобы кровообращение не нарушалось.

– Ты вообще не фильтруешь, что говоришь?

– Нет, – буднично отозвалась Мэдди.

Дальше они шли в тишине, пока не добрались до набережной, окруженной пальмами с обеих сторон. На белую брусчатку, которую заливал яркий солнечный свет, было больно смотреть.

– Прошлым вечером здесь было довольно оживленно, – сказала Мэдди слегка виновато из-за того, что она ему наговорила. Ник погрузился в раздумья и последние пять минут молчал. – Ты идешь в какое-то конкретное место?

Ник пожал плечами:

– Нет, просто хотел размять ноги и посмотреть город. – Он

усмехнулся. – Мой брат и его жена обожают путешествовать, смотря телевизионные шоу. Они с меня шкуру сдерут, если я не исследую город. Если верить *TripAdvisor* и Дэну с Гейлой, я обязан увидеть дворец Диоклетиана, иначе, считай, и не бывал здесь.

– Да, Иван говорил, что его стоит увидеть.

– Ты ходила к дворцу?

– Ну, видела краем глаза прошлым вечером. Впечатляет, – призналась Мэдди, тоже раздумывая о том, чтобы сходить и посмотреть на дворец, пока есть возможность. – Может, отклонюсь от курса после того, как схожу за рыбой на рынок и еще куплю выпечку на завтрак.

Она достала телефон и открыла приложение с картой города, чтобы понять, куда идти. Пекарню ей посоветовала Зита.

– До скорого.

Вглядываясь в телефон, девушка сделала пару шагов туда, откуда они только пришли, а потом нахмурилась и развернулась. Блин, он неправильно определяет ее направление.

– А ты знаешь, куда идти? – спросил Ник.

– Да, – резко ответила девушка, не отрывая взгляда от экрана телефона. Ой, она снова идет не туда. С картами, даже теми, в которые встроена навигация, она не дружила и ужасно ориентировалась в пространстве.

– Давай я с тобой пойду в пекарню, а потом во дворец Диоклетиана? Я помогу тебе их найти. Можешь даже не раз-

говаривать со мной.

Мэдди бросила на него задумчивый взгляд.

– Можно. Если ты мне поможешь, я даже позволю тебе выбрать несколько булочек.

Ник рассмеялся, его лицо посветлело. Черт, а красивый ведь, засранец. Вчера Мэдди слишком злилась на него, чтобы принять это во внимание. Ник забрал у нее телефон и зашагал к переулку.

– Булочек? – повторил он с ее северным акцентом. – А как же «выпечка»? Перед Ниной-то ты так не выражаешься, наверное.

– Нет, она бы убила меня на месте. – Мэдди улыбнулась ему. Они шагали по узкому мощеному переулку. – К своей кондитерской она относится очень серьезно.

– Да, она умница, – кивнул Ник. Его губ коснулась гордая улыбка.

– Еще какая. Я готова умереть за ее эклеры. Ты знал, что уже к обеду их раскупают?

– Нет, не знал.

Они улыбнулись друг другу.

– А почему у тебя нет заметного северного акцента? Для овцевода ты говоришь слишком уж аристократично.

– Что, Нина уже все рассказала?

– Ну, тут и так все понятно. Если она росла на овцеферме, то и ты тоже. Не переживай, о тебе я не спрашивала.

– Я об этом даже не подумал. Отвечу на твой вопрос: я по-

ступил в местную независимую школу. Они там очень уважали регби, и так получилось, что все в нашей семье – за исключением Нины – ловко обращались с мячом.

– А, ну тогда понятно. Мальчик из частной школы.

– Что?

– Ничего.

– Ты на нас зуб точишь или что?

– Нет, – ответила Мэдди, скорее защищаясь. Просто... с людьми высшего класса она чувствовала себя глупой, неуклюжей и необразованной. Когда она училась на факультете истории искусств, там было полно богачей, которых всю жизнь водили в галереи и музеи. Угнаться за ними было очень сложно, приходилось постоянно учиться и путешествовать.

– Нам сюда, – Ник показал на угол улицы.

Хорошо, что Ник пошел с ней; корзинка Мэдди быстро заполнилась изумительными хорватскими лакомствами, и для хлеба понадобился еще один пакет. Мэдди пополняла запасы, потому что яхта, возможно, еще несколько дней не сможет пришвартоваться. Ник молча забрал у нее огромный пакет.

Они проходили по крошечным улицам, где их окружали белые здания, слепящие глаза в солнечном свете.

– Ого! Я и не представляла себе, что он так выглядит, – воскликнула Мэдди, когда они завернули за угол и оказа-

лись в месте, напоминающем разрушенный римский дворец с внушительными каменными колоннами и высоко расположенными окнами.

Они шагали по лабиринту из крохотных улочек; каждый жевал круассан, поскольку устоять перед соблазнительным запахом в пекарне они не смогли и вгрызлись в выпечку, едва выйдя на воздух. Рано утром на улицах было тихо и спокойно; повсюду пестрели интересные магазинчики, виднелись дверные проемы и громадные каменные плиты. Они словно перенеслись в прошлое... пока не завернули за угол и не обнаружили большую открытую площадь с кафе и ресторанами.

– У нас есть время на чашечку кофе? – спросил Ник.

– Только если не рассиживаться. Как ты и сказал, яхта без меня не уплывет, но если я опоздаю, то обвиню в этом тебя. Ты же гость.

– Или просто возьмем такси. Пешком идти довольно долго.

– Если ты платишь, то ладно, – нахально заявила Мэдди.

– За кофе, наверное, тоже я плачу, – сказал Ник, закатив глаза.

Они выбрали кафе со столиками под открытым небом. Стояло раннее утро, поэтому тут и там суетились торговцы, толкающие перед собой тележки с фруктами и овощами, а официанты сервировали столы, готовясь к наплыву посетителей в обед. Тут же мелькало несколько неугомонных тури-

стов, которые благоразумно запаслись удобной обувью и путеводителями. Им явно хотелось выжать из каждого дня как можно больше.

– А что, неплохо. – Мэдди подняла чашечку эспresso и отсалютовала Нику. – Спасибо.

– Без проблем. Тебе нравится эспresso?

– Да, распробовала его еще в Париже.

А еще так она выглядела утонченной, но в этом она Нику не призналась.

– Чем ты занималась в Париже?

– В рамках программы обучения я провела год за рубежом. – Девушка до сих пор радовалась каждый раз, когда произносила это. Она первая в семье получила высшее образование.

По лицу Ника пробежала тень удивления.

– Да, я уже старая, мне тридцать. Я поздно пошла в университет – в двадцать шесть лет.

– Порой мне кажется, что так даже лучше. Так ты хотя бы точно знаешь, чего хочешь, а не бредешь наугад. – Он поджал губы. – И что ты изучала?

– Историю искусства.

– Интересно. Тебе нравилось?

– Да я была в восторге! Мне всегда нравилось искусство. Да-да, я, Мэдди Уилкоккс из Селли-Ок, всегда хотела изучать искусство.

– А почему нет? – со странной улыбкой спросил Ник.

– Потому что, как поговаривает моя мама, «от этого пользы – курам на смех», – скорчила она рожицу, подражая бирмингемскому акценту своей мамы. – «Куда ты подашься с этим искусством? Дорогуша, нам тут такие ни к чему».

– В ее словах есть своя правда, – признал Ник. – А чем ты хочешь заниматься? Учитывая, что мы взяли тебя членом экипажа в последнюю минуту, это не твоя карьера мечты.

– Как знать? Я пока еще даже суток не проработала. Но да, в мои планы это не входило.

– А у тебя есть планы? – спросил он почти печально.

Мэдди перевела взгляд на крыши зданий по другую сторону площади. Интересно, что скажет Ник, если она расскажет, чем на самом деле хочет заниматься? Мужчина проследил за ее взглядом, и они оба уставились на полосу терракотовой крыши на фоне ясного голубого неба.

– Не совсем. Я знаю, чем хочу заниматься, но... – Она как-то обреченно пожала плечами. – А ты? Ты поступал в университет?

– Ага, – он издал невеселый смешок. – Харпер Адамс, сельскохозяйственный колледж.

– И что в этом такого? Для того, кто хочет быть овцеводом, крайне полезное дело, нет?

– А кто сказал, что я хотел быть овцеводом? – с неожиданной откровенностью спросил Ник. Он задержал на ней взгляд, и девушка увидела в его глазах целую смесь эмоций: злость, грусть, замешательство.

– Семейные ожидания?

– Нет, нет, – поспешно ответил Ник. – Это у меня в крови.

Мне нравится.

Их взгляды встретились, и они оба отвели глаза. У Мэдди появилось отчетливое ощущение, что Ник, равно как и она сама, не хочет раскрывать своих истинных чувств.

– Хорошо посидели, но мне, к сожалению, пора возвращаться к реальной жизни и работе, иначе я превращусь в тыкву. А ты возвращайся к своему декадансу и праздности.

По лицу Ника пробежала тень.

– Да, как-то так.

Он достал из бумажника несколько хорватских кун и положил их на блюдце с чеком.

– Пора вернуться к реальной жизни.

Учитывая, что следующие несколько недель Ник будет бездельничать, а за ним будут ухаживать, благодарным он на удивление не выглядел.

Глава 7

Ровно в полдесятого Иван завел мотор, заняв свое место за штурвалом в небольшой рубке сразу за зоной отдыха. Яхта затарахтела и отправилась покорять открытое море. Она неслась по волнам, направляясь к зеленым островам, что виднелись вдали; поверхность воды сияла, словно бенгальские огни, отражая солнечный свет.

Первый порт захода – небольшая бухта города Сутиван на острове Брач. Иван сообщил, что там есть замечательное местечко, чтобы пообедать, после чего можно будет поплавать или заняться греблей.

Завтрак выдался довольно тихим – Тара, Кори и Саймон явились, когда яхта отплыла от причала. Мэдди не знала, раздражаться ей или радоваться; с одной стороны, осталось еще много выпечки, с другой – она не могла ничего убрать со стола, приходилось ждать, пока они придут. И убираться ей придется на ходу, что куда сложнее, так как балансировать в маленьком камбузе занятие не из легких.

Напевая себе под нос, Мэдди с этой задачей справилась. К обеду уже было подготовлено вяленое мясо, несколько салатов и свежий хлеб, купленный сегодня утром. Она пошла на палубу, чтобы спросить, не желает ли кто-нибудь прохладительный напиток или закуску. Там уже расположились Тара с Кори, все из себя безупречные в крошечных купальниках

и повязанных на талиях саронгах, будто нарочно подобранных, чтобы подходить друг к другу.

— О, ты, из экипажа, — сказала Тара. — Не помню твое имя. У тебя есть апельсиновый сок?

Мэдди мило улыбнулась. Она как раз расставила все по местам и собиралась пойти убирать каюты и заправлять кровати.

— Мэдди. Да, есть. Вам налить?

— Он свежесжатый?

— Эм-м... — Мэдди сделала извиняющееся лицо. — Не думаю.

Тара вздохнула:

— Концентрированный сок? Я это пить не буду.

— Не уверена, он местного производства. Так что он, наверное, свежий.

— А гранатовый сок есть?

— Боюсь, что нет.

— Наверное, будет нелепо предполагать, что у тебя есть кокосовая вода.

— Да, — сказала Мэдди.

— В смысле, есть?

— Нет, я имела в виду... нет.

Тара сузила глаза, но даже под ее недоверчивым пристальным взглядом Мэдди умудрилась сохранить невозмутимое лицо.

— Ну, похоже, апельсиновый сок сойдет.

– Ти, хорош вести себя как стерва, – протянул Саймон. – Бедная девочка старается изо всех сил. Тут нет магазина «Харви Никс» за углом. Не тот апельсиновый сок не испортит твою прекрасную фигуру. Идем, расскажешь мне про свою знакомую, которую выгнали с фотосессии в Антибе на прошлой неделе.

Глаза Тары заблестели, когда она обрадовалась возможности посплетничать.

Мэдди пошла обратно на камбуз, когда Тара крикнула ей: «Без льда!»

– А еще без «спасибо» и «пожалуйста», – пробурчала она и тут же покраснела, когда заметила, что Дуглас тут, изучает графики. Рядом с ним лежал бинокль.

Он хитро подмигнул девушке, нежно улыбнулся, а потом взял бинокль и посмотрел на море, словно ничего не слышал. За завтраком он очень радовался по поводу предстоящего плавания, засыпал Ивана вопросами, изучал их маршрут. Его круглое лицо озарялось прям-таки мальчишеским интересом. Мэдди подумалось, что, если капитан даст ему поносить свою фуражку, радости Дугласа не будет предела.

Первый порт захода Мэдди – уборка кают. Она усмехнулась про себя. «Порт захода». Да она здесь как дома! Девушка взяла пластиковое ведро с чистящими средствами и поднялась по лестнице, которая вела к главной палубе. Сири сидела на одном из мягких сидений, расположенных вдоль кор-

мы, и читала книгу.

– Привет, Мэдди. Загляденье, правда? – Она махнула рукой на открывающийся вид: солнечный свет, играющий бликами на воде, изменчивые морские волны, острова, мерцающие вдалеке и обещающие приключения...

– День и вправду выдался замечательный.

– А у тебя будет время им насладиться? – спросила Сири, опустив взгляд на ведро с чистящими средствами.

Мэдди доверительно улыбнулась ей:

– Я подумывала сначала убрать каюты, тогда потом смогу выйти на палубу.

– Отличный план. А после этого?

– Скорее всего, буду занята. Зависит от вас. Пока вы на борту, я при исполнении.

– Значит, отдохнуть не получится. – Сири озорно поиграла бровями.

– Не сегодня, да. Зато гостям раздолье – можно купаться и загорать в уединенной бухте.

– Не переживай, – сухо ответила Сири. – Кори и Тара – все равно что дети. Они быстро заскучают. Ставлю на что угодно: к ужину Кори станет ныть, что хочет на берег. Дуглас, как обычно, послушается. Как ты думаешь, зачем нам огромная яхта на двадцать человек, хотя нас всего шесть?

– Он кажется очень приятным человеком, – рискнула ответить Мэдди, которую заинтересовали разногласия в компании. Отвечать на прозвучавший вопрос ей не хотелось. –

Откуда вы все друг друга знаете?

– Дуглас вроде как мой кузен.

– «Вроде как»? Впервые о таком слышу, – хитро улыбнулась Мэдди, вскинув брови.

– Наши родители – лучшие друзья. Вот прямо лучшие из лучших. Они все вместе делают: ходят на вечеринки, ездят отдыхать... А мы их единственные дети. Я называю его маму тетушка Марго. Мы одногодки, хотя Дуглас ведет себя так, словно на десять лет меня старше. Все наше детство мы были вынуждены провести вместе, и – да, теперь он действительно приятный человек. В четырнадцать он был той еще занозой в заднице. – Она скривилась. – И в шестнадцать тоже. Но он изменился и вполне мне нравится.

У ее глаз собрались морщинки.

– Иронично, но теперь, когда нас не заставляют проводить время вместе, мы делаем это сами, добровольно. Он один из моих лучших друзей. – На секунду лицо Сири омрачилось печалью. Она скользнула взглядом по морю, а потом подняла голову и уже будничным тоном добавила: – Но теперь он взрослый, богат, как Крёз, и... – ее глаза потемнели, – влюблен в Кори. И это я их познакомила, черт возьми. Я работаю стилистом, – она понизила голос, – и именно поэтому могу потешаться над Кори и Тарой. Если захочу, я сделаю из них посмешище на фотосессии. Мы достаточно часто работаем вместе, поэтому повод волноваться у них есть.

На ее губах заиграла улыбка Макиавелли.

– А Саймон ходил в школу с Дугласом. Они закадычные друзья. Кори он знает со времен тенниса.

– А я должна его знать, да? – шепотом спросила Мэдди, оглянувшись через плечо.

Сири издала громкий смешок.

– Ага, – ответила она с озорным видом.

– Ой, блин, – застонала Мэдди. – Вот это я лажанула. Он знаменитость, да?

– Ну, это он так думает, – сказала Сири и добавила уже добродушнее: – Он раньше играл в теннис – двадцать лет назад стал финалистом в юниорском парном разряде Уимблдонского турнира. Честно скажу, он был хорош, но после этой победы ничего не добился.

– Как жалко.

– Незачем его жалеть. Он всю карьеру на этом построил, и ничего. Не сожалеет, не грустит. Тара – френеми⁶ Кори. Что бы ты ни делала, не влезай между этими двумя. Они либо ходят под ручку, либо шипят друг на друга, как кошки, и эти состояния меняются по щелчку пальцев. Не сближайся с ними.

– А Ник? – как бы невзначай спросила девушка.

– Ах, наш новоприбывший красавчик. Милашка, да? – Ее глаза сверкнули.

Мэдди сморщила носик.

⁶ От *англ.* Friend («друг») и enemy («враг») в одном слове; человек, с которым у вас отношения, построенные на дружбе и ненависти.

– Не мой типаж.

– Он вряд ли тут долго протянет, он так-то не во вкусе Тары. Обычно она выбирает кого-то, кто может отвести ее на красную дорожку, отменную вечеринку, или того, кто хорошо выглядит в объективе фотокамеры. Может, здесь что-то большее. – Она элегантно пожала плечиком. – Внешность у него что надо, мозги на месте, хотя – время покажет.

Сири засмеялась и махнула книгой в сторону Мэдди:

– А я – циничная старая гарпия, в этом бизнесе очень давно. Дуглас – знаток своего дела. Может, внешностью он и не блещет, но сердце у него доброе. – Она вдруг вздернула подбородок, мимолетно улыбнулась Мэдди и уткнулась в книгу.

Что ж, это пролило свет на обстоятельства, подумала девушка, пробираясь к первой из двух гостевых кают на этой палубе. Помимо этих здесь еще были каюта Ивана и ее собственная. Мэдди не терпелось узнать, как гости расположились в своих комнатах. Пока судно покачивалось на волнах, ветер трепал ее короткие кудряшки, которые сбежали из сооруженного ею хвостика. Она все задавалась вопросом, как же Кори держит свои великолепные волосы под контролем. Первая каюта оказалась пуста; учитывая, что здесь восемь кают, а людей шесть, четверо из которых состояли в отношениях, ничего удивительного в этом не было.

Во второй каюте нашлись скудные признаки чьего-то проживания. Расческа на прикроватной тумбочке, книга и зарядка для телефона. Разглядев книгу получше, Мэдди за-

мерла. У кого-то похожие литературные предпочтения – она тоже любила Дика Фрэнсиса. Книжка была старой и изрядно потрепанной. Мэдди усмехнулась: на незастеленной двухспальной кровати валялись лососево-розовые шорты. Кусая губы, девушка сложила шорты и аккуратно положила их на комод, встроенный в переборку.

Мэдди нахмурилась. Ей, конечно, до этого никакого дела нет, но Ник, похоже, спит один. Она шустренько заправила кровать и прошлась по сияющему дереву тряпкой. Интерьер разрабатывали с таким расчетом, чтобы все поместилось в крохотную каюту: гардероб встроен в альков, кровать втиснута прямо под окно, а ванная заслуживает награду за такое умное распоряжение пространством. Ник явно чистюля, да и путешествует налегке. В ванной Мэдди убралась минут за пять – нужно было всего-то махнуть тряпкой по набору для бритья и гостевым бутылочкам геля, шампуня и кондиционера. Как только девушка закончила, дверь в каюту открылась. На пороге застыл сконфуженный Ник с голым торсом.

– Ой, привет. Я, э-э... за солнцезащитными очками.

– Ну да, это же твоя каюта.

– Да, я, э-э, просто не ожидал, что ты будешь здесь убираться. Думал, у тебя и так дел по горло. – Он зашел в каюту, и она вдруг показалась Мэдди совсем крошечной.

– Да, я – Золушка в море, – пошутила девушка, отчаянно пытаясь не смотреть на его широкую мускулистую грудь. Обстановка была, так скажем, интимная – все-таки она за-

стряла в каюте с полураздетым мужчиной и замечала у Ника то, на что раньше внимания не обращала. – Работа всегда есть. Мне уйти? – высоким голосом спросила она. Неудивительно, что он так нравится Таре.

– Нет-нет, я просто заберу очки из ванной и уйду, если ты не против.

– Пожалуйста. – Мэдди отодвинулась, чтобы он мог пройти. – Я смотрю, ты передел свои шорты.

Девушка прошла на нижнюю палубу и обнаружила, что Дуглас и Кори заняли каюту класса люкс в носу судна. Саймон и Сири заняли отдельные каюты; у мужчины было столько средств для ухода за собой, что хватило бы на отдельный магазин. Сири же привезла огромный запас книг. У нее было не очень прибрано – повсюду валялись украшения, шарфы и туфли, но одежда была убрана.

Мэдди прошлась по еще нескольким каютам и нашла ту, что принадлежала Таре. Она чуть не захлопнула дверь перед своим же носом.

– Вот блин! – выдохнула она, стоя на пороге. Тут побывало торнадо, не иначе. Даже ее сестра Тереза никогда не доводила свою сторону спальни до такого бардака, хотя по десятибалльной шкале Мэдди поставила бы ей жирные одиннадцать с плюсом.

– И с чего мне начинать? – пробурчала она себе под нос, ведь если проговаривать проблему вслух, то справляться с

ней почему-то легче. Тут даже Геркулес поджал бы хвост. Гнев вытеснил все переживания Мэдди. Вот же бездушная овца! Она что, ждала, что кто-то придет и все уберет за ней?

Разбросанная одежда покрывала каждый сантиметр кровати, все вешалки в гардеробе уже были заняты. Десятки пар туфель вывалились из шкафа, а на полу валялись два мокрых банных полотенца.

Ничего удивительного, что Ник не захотел делить с ней каюту. Вещи лежали повсюду. Туалетный столик был завален косметикой – палетки теней, с десятков помад, большинство из которых без колпачков, по меньшей мере десять карандашей для глаз, четыре вида туши для ресниц. На узенькой полочке над двуспальной кроватью расположились увлажняющие средства, лосьоны для тела, а еще тысяча склянок и флаконов для чего-то, о чем Мэдди в жизни не слышала. Масло-эликсир на ночь, капсулы для омоложения кожи лица, масло орхидеи, матирующий крем-детокс и кислородный мистер.

Мэдди стиснула зубы и принялась за работу. Стоит ли вообще надеяться, что Тара оценит ее старания? Когда с этой комнатой было покончено, девушка пошла в ванную.

Там ее постиг еще бóльший ужас. Когда-то белое и чистенькое полотенце для рук, выданное лишь вчера, было запачкано косметикой. В ванной Тара провела много времени – раковина грязная, хотя унитаз... Странно, но он выглядел так, словно модель пыталась его отмыть. Без особых

успехов, конечно, но все же. И тут Мэдди позволила себе немного позлорадствовать; похоже, Тару тошнило. Наверное, поэтому она так мало ела за ужином. Или у нее морская болезнь – когда Мэдди спала под покачивания яхты в первую ночь, ощущения у нее были странные. Она привезла с собой запас таблеток от укачивания. Может, стоит поделиться? Возможно, поэтому Тара была такой капризной сегодня утром – ей просто нездоровится.

Туманные острова, виднеющиеся вдали, постепенно обратились в зеленые холмы, что росли из воды. Мэдди накрывала на стол к обеду, специально растягивая это занятие, чтобы подольше побыть на палубе. Гости с нетерпением ждали, когда же они прибудут на остров Брач, и их волнение осязаемо чувствовалось в воздухе.

Пока Иван вел яхту к уединенной бухте скалистого побережья, где низкорослые деревья спускались к воде, пассажиры стояли на носу судна и смотрели. Вода мерцала на солнце волшебным лазурным цветом. Они словно попали в рай.

Иван бросил якорь – пришло время обеда. Мэдди вынесла гостям большие тарелки с закусками: вяленое мясо, перец, приготовленный на гриле, артишоки, оливки и местный сыр. Также она приготовила салаты на выбор и принесла свежий хлеб, купленный сегодня утром в пекарне.

– Спасибо, Мэдди, – сказал Саймон, подойдя к столу, где их ждала девушка. – Выглядит очень вкусно.

Когда все расселись по местам, Мэдди спросила, кто что будет пить.

– Давайте отметим наш первый день в море бутылочкой «Просекко» на обед, – сказал Дуглас, убирая свою карту.

– А лучше «Беллини», – сказала Кори с ноткой вызова в голосе.

Мэдди молчала, просто ждала, пока они придут к согласию.

– Я бы не отказался от «Просекко», – сказал Саймон.

– Я не привередлива, выпью что нальют, – сказала Сири, откинувшись на спинку сиденья, словно сытая и довольная кошка. – Пить в обед – это же декаданс!

– Я буду «Беллини», – сказала Тара.

– А пиво можно? – чуть ли не извиняющимся тоном спросил Ник.

– Конечно, – ответила Мэдди. – Одно пиво, одна бутылка «Просекко» и два «Беллини» уже в пути.

Спокойная улыбка в стиле «у меня все под контролем» испарилась тут же, стоило девушке зайти в камбуз. Черт! Что такое «Беллини»? Она достала телефон, радуясь, что связь еще ловит. «Просекко» с персиковым пюре! Издеваетесь? Это Кори с Тарой решили позабавиться. Они постоянно демонстрируют свое превосходство.

Кто вообще держит под рукой персиковое пюре? Мэдди прошлась по всем шкафчикам и нашла китайскую смесь приправ «пять специй», жасминовый рис, запеченные бобы и

пасту тахини, но ни следа персикового пюре.

Зато она нашла консервированные персики в пыльной банке у самой стенки. Сейчас она им устроит персиковое пюре.

Мэдди: один, Кори и Тара: ноль.

Ник лениво потянулся на шезлонге; после вчерашней гребли его мышцы приятно побаливали. Солнце согревало кожу, а яхта ритмично покачивалась на волнах. В воздухе пахло хвоей и солью, а небо красивого, глубокого голубого цвета простиралось насколько хватало глаз.

– Ники, милый, помажешь мне спинку солнцезащитным кремом? – попросила Тара, убирая наушники и телефон, от которого она оторваться не могла. Она лежала на животе, развязав верх купальника, а ее трусики, если их вообще можно так назвать, ничего не прикрывали. Ник никогда не видел купальника меньше, впрочем, он и не жаловался. Низ, напоминающий стринги, был очень откровенным, и он боялся подумать, что об этом сказала бы мама.

– Конечно. – Ник перевернулся на бок, сел и вооружился ее дорогим кремом для загара. Он осторожно втер его в шею Тары, плечи и ее изящную спинку.

– М-м, как приятно, – пробормотала модель, извиваясь под его прикосновениями. – Намажешь еще ноги и попу?

Ник сглотнул и замер. Тара приподняла бедра, как бы приглашая его действовать, и повернула голову:

– Не стесняйся.

– Кто сказал, что я стесняюсь? – возразил он. – Просто люблюсь видом.

– И что, нравится? – низким, знойным голосом промурлыкала Тара. Она сексуально улыбнулась ему и опустила голову на руки, лениво наблюдая за Ником из-под полуопущенных ресниц.

Мужчина нанес крем на заднюю часть ее ног, втер его в икры и поднялся выше, к худеньким ляжкам, замечая, как пристально Тара на него смотрит. Когда Ник провел руками по ее идеальной попе, Тара простонала «м-м», елозя на шезлонге от удовольствия.

– Я к такому и привыкнуть могу, – сказала она хриплым голосом, от которого его чувства вспыхнули.

– Как и я. – Он погладил ее мягкую, роскошную кожу, надавил ладонями на ягодицы. В Таре все было идеально, до последнего сантиметра. Ник растирал крем круговыми движениями, чувствуя, как в паху становится тесно из-за возникшего желания. Оно нарастало, пока он делал ей массаж, а потом провел ладонями вверх по спине девушки и нежно потер пальцем ее шею.

Ник улегся на краешек своего шезлонга и мягко поцеловал Тару в ее красивые розовые губы.

– Какая же ты красивая, – прошептал он, и девушка улыбнулась ему.

Он снова поцеловал ее, накрывая ее губы своими, опустил руку ей на спину и привлек к себе, чтобы ощутить ее восхи-

тительное тело.

– Может, вернемся в каюту и вздремнем? – предложил он.

Тара отодвинулась и протяжно, печально вздохнула.

– Очень заманчиво, милый Ники, но... – Она похлопала его по щеке. – Мне нужен ровный загар. Еще полчаса на спине и полчаса на животе.

– Какие точные цифры, – поддразнил Ник, поглаживая ее по шее. Он опустил пальцы ниже, на спину, ласково исследуя ее кожу. – Я точно не смогу тебя переубедить?

Тара поджала красивые губки, и на долю секунды на ее лице промелькнуло раздражение. Затем она улыбнулась, искренне смотря на него темными глазами.

– Ники, милый, ты же знаешь, как сложно быть моделью. Обязанности никогда не заканчиваются. И потом, я не хочу, чтобы Кори была загорелее меня. У нас будет совместная съемка, и от нас требуется хороший загар.

– Не думаю, что пара часов что-то сильно изменит, – сказал Ник, снова нежно целуя ее в губы. Он приобнял ее за плечи, и где-то в его мозгу проскользнула мысль, что он преследует неуловимую бабочку.

– Изменит, – резко сказала Тара, сбрасывая его руку. – И тогда мне придется идти в душ, а я не хочу мочить волосы.

Она взяла телефон, подключила наушники и уткнулась головой в руки, чтобы уж наверняка заставить Ника отступить.

Ник улегся на спину, разгоряченный, возбужденный и од-

новременно смущенный. Он никогда не давил на женщин. Он знал, что значит слово «нет», но с Тарой он чувствовал себя похотливым, неуклюжим школьником. Ему было стыдно и за собственное тело, и за то, что он мог показаться каким-то озабоченным кретином. Мужчина поправил шорты, радуясь, что они мешковатые.

– Пойду еще поплаваю, – грубовато сказал он, но Тара и виду не подавала, что его слышит.

Ник свесил ноги с шезлонга и увидел Мэдди наверху лестницы со всезнающей ухмылочкой на лице. Он покраснел и устоялся на нее.

– Я хотела спросить, не желаете ли вы чего-нибудь выпить. – Ее глаза озорно блестели; похоже, девушка видела, как Ник пытался соблазнить Тару и с треском провалился, и она сочла это чрезвычайно забавным.

– Нет, спасибо, – огрызнулся он и прошел мимо Мэдди к лестнице. На мгновение его посетила соблазнительная мысль толкнуть чертовку за борт – она вечно подлавливает его в самые неловкие моменты.

Прохлада воды успокоила его оскорбленное эго. Ник решительно поплыл кролем как можно дальше от яхты. Он сосредоточился на четких движениях, на дыхании, на воде и плыл до боли в мышцах, чтобы дать выход накопившейся злости. Гребок, гребок, вдох, гребок, гребок, выдох.

Когда плечи стали гореть, Ник замедлился и поплыл уже более расслабленным брассом. Он осмотрелся; Мэдди, на-

верное, до сих пор хохотала на яхте. Как она умудряется выбить его из колеи, когда ему *уже* не по себе? Она постоянно все видит и подмечает. Ник перевернулся на спину, посмотрел на небо и вздохнул. Тара совсем его запутала. Иногда она заставляла его чувствовать себя грубым и неуклюжим, но порой она улыбалась ему так ослепительно, что Ник был готов горы ради нее свернуть. Они из двух разных миров, конечно, без проблем не обойтись, но они могут вместе с этим справиться. Он адаптируется. Она же такая красивая! Она того стоит, так ведь?

Ник нахмурился. Быть может, часть проблемы кроется в том, что он не привык бездельничать? Дома он к этому времени уработался бы, сходил на пробежку, прошел несколько миль, перетаскал тяжеленные мешки с кормом, построил забор или пас овец. Каждый новый день был не похож на предыдущий, но определенная рутина его успокаивала. Мужчина посмотрел на голубое небо и лазурное море, на остров насыщенного зеленого цвета. Как вообще можно скучать по дому в такой обстановке? Он даже слышал удивленный голос матери, отчитывающей его: «Садовая ты голова!» Ник улыбнулся. Конечно, он скучал по семье, это ведь не запрещено. Там он знал свое место. Постоянные шутки с братьями, безоговорочная любовь и чувство общности. Мужчина помотал головой и закатил глаза. Нет, по дому он не скучает. Он взрослый мужчина, и он отлично проводит время на отдыхе. Когда он рассказал братьям, какая яхта его ожи-

дает, они аж позеленели от зависти. Многих ли людей приглашают на отдых, достойный миллионеров и звезд?

Выше нос, Ник, сказал он себе, плывя обратно к судну. Ну не захотелось твоей девушке перепихнуться, что уж там, не конец света.

– Привет, Ник! – крикнула ему Сири, покачиваясь на нелепом надувном круге в виде фламинго. – Мы собираемся покататься на гидроциклах, ты с нами?

– Естественно, – отозвался он. Да, его братья точно обзавидуются.

Глава 8

Пока судно подплывало к причалу, тарахтя и грохоча, Мэдди убирала стол для завтрака. Она так быстро собирала посуду, что шла на рекорд, бегая от стола к камбузу и обратно; каждый раз она брала столько тарелок, сколько могла унести. В уме девушка прикидывала, сколько займет уборка кают.

Шел третий день путешествия. Перед завтраком Иван снялся с якоря, и они отплыли от прелестной бухточки, в которой ночевали. Теперь они направлялись в порт города Бол на другой стороне Брача. Пока они приближались к суше, среди гостей нарастал гул восхищения и предвкушения.

За завтраком шло бурное обсуждение, чем стоит сегодня заняться.

– Мы должны сходить на Златни-Рат, – заявила Тара.

– Да, мы обязаны, – тут же поддержала ее Кори.

– Это что еще такое? – спросила Сири. – Звучит отвратно. Это что, зоопарк с грызунами?⁷ Тара, на тебя это не похоже.

– Не говори ерунду, Сири, – захихикала Тара. – Это очень популярный пляж, он в десятке лучших в Европе. Мне нужно там сфотографироваться.

– В десятке лучших он третий, – добавила Кори. – Он бес-

⁷ От *англ. rat* «крыса».

подобен.

– Пляж и правда отличный, – сказал Иван за штурвалом. – Один из лучших в Хорватии. Обязательно сходите. Можно арендовать трубки и ласты, вода там очень чистая. Там же можно взять доски для виндсёрфинга. Мой вам совет – проведите там весь день. У пляжа есть замечательная набережная с барами и кафе.

Тара захлопала в ладоши:

– Отлично! Туда и пойдем!

Дуглас добродушно пожал плечами:

– Мне все равно.

– Мы это знаем, милый, – сказала Кори с улыбкой, которая не сочеталась с ее взглядом. Мэдди прищурилась. Она даже не понимает, как ей повезло. Дуглас души в ней не чает, а она так себя ведет.

– Если я могу и дальше там бездельничать, я за, – сказала Сири, потягиваясь. – Для счастья мне нужны хорошая книга, солнце и море.

– Я давненько не вставал на доску для виндсёрфинга, но я не прочь попробовать. – Саймон бросил взгляд на Ника. – У тебя как, есть опыт?

– Немного, – ответил Ник с тем непроницаемым выражением лица, которое Мэдди определила как маску: он надевал ее, когда не хотел что-то рассказывать. Саймон постоянно бросал Нику вызов, словно хотел опозорить его перед Тарой.

– Еще на набережной есть отличная винодельня «Сти-

на». – Иван указал на огромное здание слева. – Они производят отменное хорватское вино. По вечерам, в пять и шесть часов, они устраивают экскурсию и дегустацию для туристов. Могу организовать. Наверное, стоит сходить туда до ужина.

– Отличная идея, – ответил Дуглас. – Можно купить вино на всю оставшуюся поездку.

Они уже попробовали хорватское вино в демиджонах от Ивана, и Сири с Дугласом оно очень понравилось.

– Будем надеяться, они продают что-то хорошее. – Саймон скрестил руки на груди. – У местных вино не всегда высшего сорта. Без обид, Иван, просто я, можно сказать, знаток вин.

Дуглас сморщил нос.

– Ага, именно так.

– И слушать надо меня. В прошлый раз ты увлекся и купил это паршивое божоле-нуво.

– Ох, боже, точно. До сих пор разливаю его клиентам низшего класса. – Дуглас закатил глаза. – Я немного увлекся на дегустации, и тот паренек убедил меня, что это хорошее вино. Да еще и за такую цену!

– Вот так, приятель. Ник, ты разбираешься в вине? – спросил Саймон обманчиво обыденным тоном.

Ник покачал головой:

– Нет, я больше по настоящему элю.

– Да, я вижу. – Саймон повернулся к Ивану: – Не посоветуете место, где отужинать? Капитаны всегда знают правильные места.

– Немного дальше, на холме, есть замечательный ресторан. Вам забронировать столик?

– Было бы превосходно, – сказал Дуглас. – Значит, дегустация вин, потом пропустим пару коктейлей и на ужин в полдевятого.

– Отлично, – ответил Иван. Прежде чем кто-то успел возразить или согласиться, он отошел к лестнице и достал телефон из кармана.

Когда с завтраком было покончено, гости разбежались по своим каютам – собираться на пляж. Мэдди убиралась в тишине, радуясь, что весь день она проведет так, как ей вздумается.

– Яхта остается в твоём распоряжении, считай, выходной, – сказал Иван, заглянув к ней в камбуз. – Всегда пожалуйста.

– Спасибо. – Мэдди улыбнулась мужчине. – Неплохо вы это придумали.

Он пожал плечами:

– Почему бы и нет? Они тут раньше не бывали. Ресторан отличный. – Иван усмехнулся. – Он принадлежит моему давнему другу, и он всегда радуется клиентам, которых я к нему отправляю.

– Радуетесь?

Потирая ладони, Иван ответил:

– Ресторан – шикарный. Гости наслаждаются едой. Моему другу обеспечены посетители. Я вознагражден. Тебе не

нужно готовить. У меня в Боле есть друзья, с которыми я не прочь встретиться. Я переночую у них. – Он изобразил, как опустошает рюмку. – Все счастливы. А ты будешь главной на яхте.

– Я? – пискнула Мэдди. – Правда?

– Гости почти весь день проведут на острове. Мой номер у тебя есть, да и я буду неподалеку. – Он указал на холм, на котором ютились домики. – Мои друзья живут там.

– Хорошо. – Она улыбнулась, предвкушая открывшиеся ей возможности. В животе порхали бабочки. – Тогда мне стоит поскорее здесь убраться.

Она не будет тратить ни секунды. Это же выходной!

Мэдди была готова кричать. Как можно так долго собираться на пляж?! В своем нетерпении она была не одинока: Сири барабанила пальцами по ограждению, стоя у трапа, Саймон расхаживал по причалу, а Ник сидел на швартовой тумбе, подняв лицо к солнцу.

– Давайте пойдем без нее, – сказала Сири. – Время не ждет.

Дуглас и Кори находились в магазине неподалеку; судя по всему, сейчас Дуглас покупал девушке миленький летний шарфик из хлопка и соломенную шляпу.

– Ник, побудь хорошим пещерным мальчиком, вытащи Тару, – попросил Саймон.

Ник поджал губы. Солнцезащитные очки скрывали выра-

жение его глаз.

– Она сама решит, когда готова. Идите, мы вас догоним.

Саймон ничего не ответил и продолжил ходить туда-сюда. Пока они ждали, Мэдди проскользнула в каюты и убралась. Еще она прошлась шваброй по палубе, где завтракали гости, и надраила камбуз.

Наконец появилась Тара, и все разом ахнули. Один из проходящих мимо туристов врезался в швартовую тумбу и заработал пощечину от жены. Модель остановилась наверху лестницы перед трапом и приняла красивую позу, выставив бедро, чтобы все могли оценить ее красоту по достоинству.

Мэдди вспомнились *«Звездные войны»*. Она уставилась на алое бикини на золотых металлических лямках, напоминающее ей одежду принцессы Леи, когда она была рабыней. На девушке были босоножки на высоком каблуке, которые подчеркивали ее длинные и стройные ноги. Тара пошла по трапу, разрушив звенящую тишину цоканьем каблуков и испортив момент.

– Что, планируешь довести подростков до бессвязного бормотания и пускания слюней? – поддел ее Саймон.

Тара усмехнулась и подошла к Нику, качая бедрами. Она собственнически обвила его руку своей. Мэдди старалась не улыбаться, заметив потрясенное выражение лица Ника; нет, он скорее шокирован и напуган. И она его за это не винит.

К счастью, Тара этого не видела – она проверяла, кто смотрит в ее сторону.

– А ты точно дойдешь до пляжа? – сдавленным голосом спросил Ник, опустив взгляд на ее босоножки. – Идти долго. У тебя нет с собой сланцев?

– Ники, милый. – Она поцеловала его в щеку, провела рукой по его мускулам. – Если со мной что-то случится, я уверена, что ты сможешь меня понести.

«Как тебя легко одурачить», – раздраженно подумала Мэдди, наблюдая, как лицо Ника расплывается во влюбленной улыбочке. Идиот.

– Да я тебя одним мизинцем понесу, – сказал он. – Давай возьму.

Он забрал у нее огромную пляжную сумку в полоску.

– А у тебя есть чем... прикрыться?

– Какой ты милашка. *«Прикрыться»*, – передразнила она его северный акцент. – Обожаю, когда ты весь из себя такой чопорный и правильный.

Саймон захихикал, а Сири цокнула языком.

– Тара, бога ради, прикройся. Нельзя в таком виде гулять по улицам, и чопорность тут ни при чем.

– С ума сойти, Тара, вот это купальничек, – выпалил Дуглас, направляясь к ним через дорогу вместе со своей девушкой. Кори, одетая в вязаный белый топ от купальника и крошечные синие трусики, побагровела.

– Ты просто ищешь внимания, – уже тише продолжила Сири, – и пытаешься затмить собой Кори. У тебя получилось, так что теперь прикройся. Наверняка в твоей огромной

сумке что-нибудь да найдется. Что ты вообще туда напихала? Мы едем на пляж на один день, а не на сафари на неделю.

Тара с недовольным видом вытряхнула из сумки красную шифоновую тунику. Многое она не прикрывала, но стало хоть немного лучше.

Мэдди с облегчением выдохнула, когда компания наконец ушла, и довольно захихикала; как хорошо, что ей не нужно идти с ними.

Через час Мэдди уходила с яхты с собственной пляжной сумкой. Она весело помахала экипажу с соседнего судна, где еще только подавали завтрак. Девушка пошла в противоположную сторону той, куда ушли гости, – сталкиваться с ними она не хотела. Если она встретит Тару, ей будет очень сложно удержаться от искушения столкнуть ее в воду. Модель опять устроила у себя в каюте свинарник, а еще бедолагу снова рвало. Она пыталась убрать за собой, но вышло не очень.

Мэдди опустила солнцезащитные очки на нос. Бол ей понравился: здания из камня кремового цвета, деревянные ставни, уже знакомые терракотовые крыши... Вдоль порта высились каменные строения, и Мэдди шла по самому краю мостовой, где на воде покачивались небольшие лодки, а столы были накрыты к обеду. Она свернула на маленькую каменную дорожку, обогнула еще часть гавани, поднялась на пару ступенек и миновала несколько домов. Там она завернула за угол и наткнулась на скромный галечный пляж, омываемый лазурной водой. Мэдди подумала, что никогда не ви-

дела такого цвета, и ей нестерпимо захотелось рисовать. Это чувство настигало ее так часто, что чуть ли не отзывалось болью. Что ж, скетчбук она захватила, и сегодня, в свой выходной, она будет потакать своим прихотям.

Мэдди обогнула ресторан, который загромождал собой весь вид, и побежала вниз по ступенькам. Они привели ее к небольшой аллее, которая пряталась в тени сосен. Девушка прыгнула с каменной стены на кусочек пляжа у воды, откуда открывался роскошный пейзаж. Несколько семей неподалеку встали лагерем у кромки воды, а остальные расположились на пляже за пределами стены.

С трудом шагая по камням, Мэдди добралась до определенного местечка, которое присмотрела, постелила полотенце и скинула одежду. Вчера она с завистью смотрела на тех, кто купался в море, а сегодня наступила ее очередь. Идти босиком оказалось жутко больно, хотя детей, что играли на мелководье, это не смущало. Мэдди осторожно зашла в воду и обрадовалась, ощущая прохладу, а не холод.

Девушка поплыла к буйкам, которые обозначали безопасную для плавания зону. В воздухе висела легкая дымка. Судов было много; они поблескивали в солнечном свете, и некоторые из них, размером с «Авантюриста», двигались под всеми парусами. Мимо проносились скоростные катера, и волны от них накатывали на берег.

Мэдди перевернулась на спину и стала лениво наблюдать за хорватскими ребятами. Они плавали, ныряли и пры-

гали с камней неподалеку. Один из них вынырнул, размахивая какой-то зеленой тряпочкой, зажатой в руке, и поплыл за другим ребенком, озорно хохоча. Последнего вдруг окатило водой; он попытался увернуться, визжа и смеясь, и первый ребенок откинул импровизированный водный пистолет в сторону.

Мэдди стало любопытно. Дети ныряли в воду, находя каких-то морских существ.

– Это морской огурец, – сообщил пожилой мужчина, плавающий рядом. Он кивнул в сторону детей.

– А, а я-то как раз понять не могла, – улыбнулась Мэдди.

Старик со снисходительной улыбкой покачал головой и поплыл дальше, перед этим помахав детям.

Вскоре детям надоела их игра – или у них закончились бедные морские жители, и они стали гоняться друг за другом, то вбегая в мелководье, то выбегая из него.

Вот что такое жизнь, подумала Мэдди, оглянувшись на пляж и на людей, что наслаждались прелестным днем и теплой водичкой. Если она может так проводить выходные, то она готова мириться с капризами Тары и Кори.

Глава 9

– У тебя здорово получается.

Мэдди подпрыгнула, выронила карандаш и прижала скетчбук к груди, словно сентиментальная девица из исторической драмы.

– Саймон! – Она посмотрела на него со своего укромного местечка в дальней части пляжа, которое специально выбрала так, чтобы ее никто не тревожил. – Ты что тут делаешь? – Тон получился обвиняющий; Мэдди думала, что хорошо укрылась от любопытных взглядов. Особенно гостей.

Она поумерила пыл и добавила:

– Я думала, ты вместе с остальными. – Девушка заглянула ему за спину, надеясь, что он пришел один. Слава богу, она уже накинула футболку и шорты – ей очень не хотелось, чтобы остальные увидели ее в купальнике. Она и рядом не стояла с этими моделями.

Саймон по-волчьи ухмыльнулся, наклонился, подобрал карандаш и отдал его Мэдди. Потом, не дожидаясь приглашения, уселся рядом с ней, уверенный, что ему тут рады.

– Я не могу постоянно с ними находиться. Мне нужно отдохнуть, – доверительным тоном с нотками веселья признался он. – Ну, – он кивнул на скетчбук, который Мэдди по-прежнему сжимала в руках, защищая, как родное дитя, – посмотрим, что там у тебя.

Его глаза вдруг блеснули, как у хищника, который учуял добычу.

Мэдди сглотнула, с неожиданной проницательностью осознав, что если она ему откажет, то он воспримет это как вызов. Тогда он точно победит и посмотрит даже больше рисунков, чем она бы сама ему показала.

– Да так, хотела немного порисовать. – Она ослабила хватку, но скетчбук из рук не выпустила. Она посмотрела на море. – Тут так красиво. Никогда не видела такое чистое море, да и в принципе такой цвет. Как там Златни-Рат?

Саймон не обратил внимания на ее жалкую попытку отвлечь его и положил руку на скетчбук. Усмехнулся. Когда их взгляды встретились, его темные глаза смеялись.

– Мэдди, Мэдди, – с шутливым упреком сказал он. – Зачем же так юлить.

Не разрывая зрительный контакт, Саймон осторожно забрал у нее скетчбук и положил себе на колени.

Какие у него ясные голубые глаза. Сердце гулко забилось в груди, причиняя Мэдди дискомфорт: из насмешливого взгляд мужчины стал серьезным, и у нее перехватило дыхание. Саймон Бересфорд – один из самых привлекательных мужчин, которых она когда-либо встречала. Мэдди почувствовала, что краснеет, и опустила голову.

Саймон низко рассмеялся.

– И что же тут у нас?

Мэдди спрятала руку за своей ногой и крепко сжала кулак.

Очень мало кто видел ее скетчи. Она уставилась на остров вдалеке, перед глаза все поплыло.

Саймон открыл скетчбук и присвистнул.

– Красиво. Очень красиво. – Он взглянул на Мэдди, с подозрением прищурил глаза. – «Немного порисовать», значит.

Он подтолкнул ее локтем:

– По-моему, кое-кто вешает мне лапшу на уши.

Мэдди моргнула и пожала плечами:

– Я... Я просто...

– Милая, да у тебя талант. – Он положил теплую ладонь на ее ногу: выше колена, но еще не на бедро. Неоднозначный поступок. Саймон посмотрел на ее губы и вдруг резко отвел взгляд, словно осознав, что ему этого делать не стоит.

– Я, конечно, не профессионал, но моих знаний достаточно, чтобы сказать: это отличные рисунки. Мой дядя владеет несколькими галереями, и он всегда говорил, что у меня глаз наметан. Если бы я не подался в теннис, то, наверное, пошел бы по его стопам. – Он постучал длинными, изящными пальцами по рисунку и приподнял страницу. – Можно?

Мэдди молча кивнула, хотя ей хотелось вырвать скетчбук из его рук.

Она смотрела, как Саймон переворачивает страницы одну за другой, внимательно рассматривая каждую работу. Улица в Париже, террасные дома в Бурнвиле, коридор с разбросанной обувью дома, часть окна кондитерской Нины, кованный

балкон Дома инвалидов, часы в музее Орсе.

Пока Саймон изучал каждое изображение, частичку ее сердца и души, у Мэдди пересохло в горле так, что ей стало больно.

Когда мужчина дошел до первого рисунка, выполненного в тот день, когда Мэдди приехала в Париж на учебу, девушка нерешительно улыбнулась. Она так переживала, боялась и предвкушала, но стоило ей увидеть Триумфальную арку, как она сразу уселась ее рисовать. В этом рисунке воплощены все ее мечты и надежды на тот год обучения. Волшебное время! Она познакомилась с Ниной и Маргаритой и познала мир за пределами крохотного домика в Бирмингеме.

Мэдди открылся целый мир, ей лишь оставалось понять, где ее место в нем. Она любила свою семью, но жаждала большего.

Саймон поднял голову. Целую минуту он смотрел на девушку своими голубыми глазами и ничего не говорил. У Мэдди пульсировала венка на шее, и она задалась вопросом, заметил ли это Саймон.

– Ты кому-нибудь показывала эти рисунки? – спросил он, внимательно за ней наблюдая. Не успела девушка ответить, как он добавил: – Они невероятны. Ты. Очень. Талантливая. Художница.

– Правда? – выдохнула Мэдди. Ей показалось, словно в ее желудке что-то перевернулось. – Ты это не просто так говоришь?

Он рассмеялся:

– Мэдди, Мэдди, Мэдди. К чему бы мне?

Девушка робко улыбнулась.

– Ну ладно. Я рисовала это для себя.

– Неправда, ты же сама в это не веришь.

Мэдди беспомощно пожала плечами:

– Люди вроде меня не становятся художниками.

– Бред. Это кто тебе так сказал? Я с ними поговорю. Хочешь, я им наваляю? – Он со свирепым видом выставил кулаки, и девушка рассмеялась.

Мэдди представила, как грациозный, одетый с иголки Саймон с кем-нибудь дерется – хотя бы с теми девицами из галереи в Лондоне. Глупость, но очень мило с его стороны.

– Мне раньше никто не предлагал «навалять» кому-то в мою защиту. – Учитывая ее телосложение, она скорее сама бы с этим справилась.

– А стоило бы. – Саймон одарил ее таким теплым взглядом, что Мэдди почувствовала себя непривычно женственной. – Давай выпьем чего-нибудь? Там, под соснами, есть идеальное местечко.

Он уже встал на ноги и протягивал ей руку, чтобы помочь подняться.

Подавив естественный порыв сказать «нет» – все-таки он гость, Мэдди схватилась за его руку и поднялась.

– Будем, – сказал Саймон и поднял изящный бокал на

длинной ножке, наполненный белым вином. Он немного покрутил бокал и только потом сделал осторожный глоток. Мэдди отсалютовала в ответ, раздумывая о том, что почти все мужчины, которых она знала, пили пинтами. Тут она вспомнила, что он назвался знатоком вин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.